

Мы же взрослые люди

Автор:

[Юлия Гурина](#)

Мы же взрослые люди

Юлия Гурина

Героине романа Юлии Гуриной Нине кажется, что она потеряла себя и заблудилась в собственном доме. Второй брак, второй ребенок, декрет, утраченные амбиции, видимое семейное благополучие и совершенно не соответствующая этому изнанка. Из оцепенения героиню выводит случайная встреча с первой любовью. Нина влюбляется безрассудно, как человек, считавший, что в жизни уже никогда не произойдет ничего потрясающего. Однако бегство в мечту оказывается невозможным. Автор откровенно пишет об инфантилизме, капитуляции перед действительностью и страшной для многих теме ВИЧ, которая сегодня ближе к каждому из нас, чем хотелось бы, – честно, предельно откровенно. Точные заметки про сегодняшнюю жизнь, запакованные в острый сюжет.

Содержит нецензурную брань!

Юлия Гурина

Мы же взрослые люди

Роман

Эта дурацкая любовь похожа на шута, который бежит взад и вперед, не зная, куда ему сунуть свою погремушку.

* * *

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

© Гурина Ю., текст, 2020

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2020

* * *

Когда едешь по городу, в котором прожил всю жизнь, то время от времени попадаешь в другие измерения. Даже если город очень большой. Тут улица, на которой у тебя была прошлая жизнь. Здесь вы жили в старинном доме на пятом этаже. На подоконнике всегда сидели голуби. Тут гуляли с малышом, шли по каменным переулкам к саду. А там за углом отель, в котором случилось самое безумное приключение. В этом доме было кафе, где ты сидел с другом и планировал свою жизнь: ставил цели, давал зарок. Жизни той уже нет, как и тех зарков, а место есть.

А на следующей улице, на которой вечно кладут асфальт, был бар, в котором ты впервые расставалась. «Понимаешь, ты слишком хорош для меня, а я... я недостойна тебя». И он уходит из бара, не заплатив за все напитки. А ты сидишь, тебе грустно. И вспоминаешь его щеку, шею, рот.

В городе, в котором прожил всю жизнь, невозможно не наткнуться на такие места. Особенно вечером, особенно летом. Когда город приятно пуст. Фонари сражаются с тьмой. И проезжаешь по улице 2016 года, а сквозь придорожные

кусты выступают призраки прошлого, которые живут в этом месте всегда.

Вот дорога, по которой ты мчался 180, несмотря на знаки, потому что тебе казалось, что ты гибнешь, что ты в воронке и только скорость может помочь. Ты думал, ты разгонишься, и все решится само, что последние лет шесть ты жил не туда. Магическое мышление.

А в этом угрюмом районе жил любимый. Не один из множества, а тот самый Любимый. И только с ним жизнь становилась объемной. Как будто он был не человек, а акваланг в подводном мире. И невозможно было представить, что вы будете не вместе. А потом прошло и это. Вы не вместе. Следом уже пролетела пара жизней. А на улице среди ночных бликов мокрого асфальта живут призраки тех дней: дрожь в коленях, беспощадная страсть и надрыв от красоты и несправедливости этого большого звенящего в ушах мира. Детские призраки. Никчемные Ромео и Джульетта среди воспоминаний, обесцененные, они поднимают чахлые руки из луж.

А эта улица ведет к роддому. И каждый раз, когда ты с кем-то проезжаешь мимо, ты всегда говоришь: вот мой роддом, тут я родила старшую дочь. И там в одном из окон до сих пор стоишь ты, глядишь на последний свежавывпавший весной снег. И тебе кажется, что ты на другой планете. Что все телефоны, люди – все это так далеко и малозначимо. И совершенно непонятно, зачем они звонят и пишут эсэмэски. А рядом с тобой в прозрачном корытце лежит завернутый в нелепые пеленки ребенок. Твоя дочь. И у нее такие тоненькие ручки и маленькие пальчики, что страшно разворачивать. У нее пластмассовая прищепка на пуповине. Теперь дочь – самостоятельный человек.

Прошлое проглядывает сквозь выкрашенные в другой цвет фасады. А потом ты уже едешь просто по дороге, просто домой в просто настоящее.

Ты переходишь изо дня в день, каждый из которых похож друг на друга, как новый круг на карусели. И думаешь, что никогда уж с тобой точно не случится ничего плохого. Все самое безумное и интересное было в прошлом, как тебе теперь думается. Ты допускаешь, что маленькие неприятности неизбежны, но от совсем больших неурядиц ты как бы застрахован. Потому что ты хороший человек, а хорошие люди заслуживают большего. Или потому что ты умный человек и все предусмотрел, твоя стратегия жизни надежна, поэтому беды не будет. Ты веришь в это, ведь надо как-то жить дальше, быть оптимистом, в конце концов.

У тебя есть проблемы, но их не стоит серьезно воспринимать и не надо ими козырять перед другими, потому что это фи. Даже так: есть проблемы, которые обсуждаются в обществе, и иметь такие проблемы – нормально, а о других лучше не распространяться. Не поймут.

Но даже тайные проблемы не затмевают собой картинку радужного будущего. Ты вполне сохраняешь порядок своего личного мироустройства. Продвигаешься по карьерной лестнице мироустроителей. И тебе даже кажется, что ты уже практически зам самого Бога в своей жизни.

А потом вдруг на тебя выливается цистерна воды. Сбивает тебя с ног, уносит с собой интерьерные решения твоей жизни. Затапливает весь дом. И привет.

Письмо

Утром письмо уже было в почте. Она увидела красный кружочек с цифрой 1 над телефонной иконкой с конвертиком. Нина не решалась его открыть. Как она будет жить, если... Неотвратимость однозначного ответа в письме пугала ее до тошноты и комка густого шершавого воздуха в горле. Через полчаса она решилась проверить. А вдруг пришло совсем другое письмо? Рассылка из магазина или по делам кто-то написал? Вдруг это обычный спам? Она уже даже убедила себя, что это совсем не то письмо. И зашла в почту. Письмо оказалось то самое...

Нина отложила телефон и ощутила приступ острой ненависти и жалости к себе. Что бы там ни было написано, даже противоположные варианты, это окажется приговором. Хотелось ускользнуть, пропасть, испариться, чтобы не читать и не узнавать то, что она должна узнать... Если бы была под рукой кнопка, нажав на которую можно исчезнуть, Нина бы нажимала эту кнопку, пока не растворился бы последний ее волос. Избавиться от ошибки уже не удастся. А где же и когда она начала ошибаться? Полгода, год назад? Или еще раньше?..

Звонок

За десять месяцев до письма

Она положила трубку и стала смотреть в окно. Июнь, начало лета.

Подумала о том, что надо бы сделать что-то хорошее. И продолжать жить как ни в чем не бывало. Хорошим делом считался разбор посуды, стирка двух гор белья, разгребание игрушек, прогулка с маленьким сыном по случаю солнечной погоды.

Ходила вместо этого по квартире, как по Дублину и Средиземному морю. Зашла в фейсбук.

А там у кого-то пропала собака, ее увезли на машине. Потом собака нашлась. Несколько возмущенных записей про презервативы, что запретили самые хорошие. Читала и комментировала. Это отвлекало.

Вспомнила, что обычно с утра у детей должен быть завтрак. Стала готовить овсянку. Сын громил кухню. Вожатые лагеря, где отдыхала дочь, прислали эсэмэску, что Алина не ест уже третий день. Написала ей и пригрозила, что заберет раньше конца смены.

Мыла, стирала. Перекладывала игрушки с пола на полки. Делала все так, как будто телефонного разговора и не было.

Богдан экспериментировал с едой – делал маску из творога. Обнаружила себя разглядывающей стену. На стене плитки. Между плитками пыль. Вспомнила о том, что надо делать хорошее. Заглянула в телефон уточнить время и погоду. А там фитнес-челлендж и несколько постов от френдов, как у них все зашибись прекрасно.

Отложила телефон, как зло и порочный предмет. Тем более что он разрядился. Но тут случайно на глаза попался ноутбук. На почту пришла рассылка из интернет-магазина одежды. Вспомнила, что она девочка и очень хочет платье.

Стала выбирать платье. Навыбирала кучу барахла. Поняла, что это не имеет смысла. Все не то, и жизнь в общем-то обман. Дальше думать ни о чем не получалось.

В голове был штиль, и по спокойной глади плыло ощущение, что нужно думать о чем-то существенном, ценном, чтобы развиваться.

Вышли на прогулку. Богдан радовался этому и бурно выражал восторг. Обнаружила себя среди других родителей, которые с остекленевшими глазами в трансе качают детей на качелях. Как зомби ходила за сыном по площадке. Была его большой молчаливой тенью. Подумала, что надо высыпаться. Где-то в волшебном пространстве сна осталась часть ее. Не захотела возвращаться или просто опоздала на поезд из сна в явь.

На солнце у Богдана волосы сверкали рыжиной. Его улыбка, смех, ноги, попа, малюсенькие пальчики вызывали умиление – теплое, щекотное чувство в солнечном сплетении. Катались с горки вместе.

А потом они поехали в магазин – вливаться в общество консьюмеризма. Планировалось заполнить потребительскую корзину так: панамы Богдану, сандалии и продукты питания. Вместо этого купила себе без примерки шмотья на бешеные тыщи и панаму для сына. Переживала. Решено было успокоиться с помощью йогуртового мороженого. Ели вместе двумя разноцветными ложками и смотрели на гигантских надувных зайцев и светодиодные огромные шары.

Лето было в самом разгаре.

Тем временем день уже клонился к концу, ему уже ничем нельзя было помочь.

Одиссей возвращался из путешествия по офисным морям.

Вечером решила погладить. Разглаживала волны на рубашках.

Ужинали молча. Ей казалось, что они картина. Реализм. Неореализм. Крючки спин, фигуры, чем-то похожие на букву «а» – маленькую. Композиция идеальная

для эскиза с натуры. Эпос повседневности – самого большого зверя.

Говорить было не о чем. Разговор все реже рождался в их доме. Слова в этой ситуации были лишними. Потому что не было слов для того, что происходило между ними.

– Звонила мама, – сообщила она.

Он продолжал смотреть что-то в телефоне.

– Сказала, что отец ушел. Полюбил другую.

Если бы это была пьеса, то тут бы что-нибудь произошло. По законам драмы тут должен был бы случиться двигательный всплеск. Изменение мизансцены, выстрел из ружья, прибежал бы гонец или хотя бы слуга, который, заходя в комнату, опрокидывал бы случайно поднос с шампанским.

Но на самом деле не случилось ничего. Она сказала, он промолчал. Он играл в шарики. Он был серьезным человеком и чемпионом по лопанию шариков.

Она уже перестала ждать, собирала посуду, когда он ответил:

– Понятно. Пойдем спать уже.

Драматург этой пьесы был не в духе. И героям не досталось слов.

Она домывала посуду и сквозь сон сочиняла письмо. Кому письмо? Богу? Инопланетянам? Воображаемым друзьям? Себе в будущее?

Она лежала и думала: как же жить дальше? Когда все рушится. Когда разводятся самые красивые, самые идеальные пары. В которые она так верила. Можно сказать, это были ее ориентиры, звездные эталоны брака. Моника Белуччи, Бред Питт, Анджелина Джоли. Джонни Депп – и тот бросил свою Ванессу Паради. А тут сам отец. Когда даже отец... Тот человек, который растил ее, катался с ней на лыжах каждые выходные, натирает щеки снегом, если она их морозила. Который гладил ее по голове, когда она лежала у него на коленях,

если ее тошнило в автобусе. Который всегда целовал маму за праздничным столом. И говорил, что любит их всех больше жизни.

Даже он их оставил. Даже ему это все оказалось не под силу. И он не смог устоять перед жерновами перемен. И все они угодили туда. Она представила, как они все перемалываются в жерновах.

Ее охватил вселенский ужас. Такой нечеловечески сильный. Она ощутила себя внезапно совсем одинокой, незащищенной от невзгод. Она смотрела одна в лицо бесчеловечному космосу и ощущала одновременно ничтожность своего ужаса и его неотвратимость.

Муж храпел всего в нескольких сантиметрах. И выглядел совершенно безучастным. Ее рука потянулась под одеяло и коснулась его тела. Теплого живого тела. Рука скользнула вниз под резинку пижамных трусов. Когда-то этот жест, бесстыдный, дерзкий, влек за собой ответные жесты. Но сейчас тело мужа крепко спало, ничто в нем не отзывалось. Он был где-то очень далеко. От жены, дома. И сам этот жест уже давно перестал что-либо значить. Обычная привычка засыпать с рукой в трусах друг у друга. Их давно уже ни к чему не приводящая особенность.

Муж сквозь сон вытащил ее руку и, повернувшись на другой бок, продолжил спать, но уже не храпел.

Секс с мужем стал настолько редким, что она точно могла сказать, что последние два или даже три месяца точно ничего не было. «Бессмысленные телодвижения», – шутил про это Илья – ее муж. Секс постепенно сходил на нет в их семье. «Все так живут, это нормально, у всех моих друзей так, не парься, – говорил Илья. – Мы разумные существа, у нас есть более интеллектуальные удовольствия». В список удовольствий входили игры в телефон, просмотры комедий и рассуждения о мировой политике. А с некоторых пор добавились еще ежеквартальные составления коллажей мечты и трансформационные игры. Илья ими чрезвычайно увлекся в последнее время. Трансформация Ильи шла быстрыми темпами, он все глубже трансформировался. И в его новом трансформирующемся мире все меньше оставалось места для нее и для них двоих.

Но сейчас не об этом, сейчас надо спать.

Она закрыла глаза.

Завтра должен был начаться новый день. В котором надо было жить. Принимать решения, растить детей, становиться взрослее или просто старше.

Подруга

За десять месяцев до письма

– А он что?

– А он просто сказал: пойдём спать.

– А потом что?

– А потом утром попросил его не грузить, потому что у него сложный день. Нужно создавать позитив. Потому что мышление определяет бытие, а позитивное мышление – это ключ к решению всех проблем. Примерно так. Но ничего, как-то решим все. Ведь ничего же страшного не происходит. А у тебя как?

Они сидели в кафе во вторник утром. Капучино, сырники, торт. Две городские барышни.

С утра она позвонила и попросила срочной встречи. Ей очень хотелось поговорить, рассказать, что все в жизни летит к чертям. Что у нее нет сил и катастрофа. Что она не знает ничего и заблудилась. Что с мужем они в тупике. Что мама с папой разводятся, а ей от этого так страшно, как будто она совсем ребенок. А дочь старшая... Про то, что происходит со старшей дочкой, даже думать было страшно. У нее уже были готовы фразы, она продумывала текст,

как и в каких словах расскажет о своей беде. Ведь она же в беде. Она лежит уже на рельсах, и жизнь вот-вот переедет ей ноги.

Но они встретились, разобнимались, разулыбались. И начали болтать о погоде, о кофе, о своем приятеле Гере, который опять завел нового любовника. О всякой чепухе.

Пожаловаться на жизнь никак не получалось. Она иронично передала сюжет последних дней. С юмором. Видимо, демон позитивного мышления коснулся и ее. И весь ужас так и остался за пазухой невысказанный. Формат не тот. И в этом формате – она благополучная дама из благополучной семьи. Москвичка, 36 лет. Двое детей, второй брак. Муж зарабатывает. Дети здоровы, родители живы. Денег хватает. Жилье свое есть, а причин для горя нет. По этим критериям она вообще преуспевает в жизни. А проблемы – у кого их нет? Проблемы решаемые или надуманные.

Внутри все равно таилось отчаяние, несмотря на позитивное мышление. Отчаяние пряталось, жалось по углам, закоулкам сознания, ускользало от пылесоса, собирающего неугодные позитиву мысли. Отчаяние выживало. Оно было партизанской силой, взрывающей мосты и пускающей под откосы составы бодрого настроения. Отчаяние вело ее, и, возможно, именно отчаяние поддерживало в ней жизнь.

– Я вернулась, как видишь. Привыкаю к Москве – к месту, где невозможно жить.

– Как отдых? – безучастно спросила Нина.

– Отдых всегда хорошо. Лежишь, разглядываешь море, людей на море. И знаешь, что я увидела в этот раз? Я увидела любовь. Я наблюдала за парами. Простыми парами. Человеческими особями на отдыхе. И я нашла любовь. Ты знаешь, глядя на них, поняла, что люди могут любить друг друга всю жизнь. Я видела подтверждение. Эти пары не отличаются красотой в обывательском понимании. У них не сильно прекрасные фигуры, одеты они неброско или вообще нелепо, им, как правило, уже много лет. Шестьдесят плюс. Именно в этом возрасте любовь видно особенно отчетливо. Она проявляется во взглядах, в жестах, в шутках и в том, как возлюбленные разговаривают друг с другом. Как синхронно они умеют хотеть одного и того же, как они заботятся друг о друге и

знают друг друга. Мне кажется, что именно такие образы и должны быть символом настоящей любви. Она, как кокон, их оберегает, что ли. Понимаешь, это означает, что у нас у всех есть шанс.

– У моих родителей уже нет, они разводятся, – выпалила она. – В этих Помпеях наступил последний день.

– У твоих родителей тоже есть шанс. У каждого свой. И у тебя тоже.

Дальше разговор не клеился. Сырники кончились. Официантка унесла тарелки.

Дома

За десять месяцев до письма

Нина уже больше трех лет сидела дома. Так принято у нас говорить. К появлению на свет Богдана решили готовиться основательно, и Нина ушла с работы. И вот три с половиной года жизни в другом измерении.

Нина сидела дома ровно столько, чтобы научиться замечать пыль. Она знала те особые углы, в которых пыль любит скапливаться. Она видела пыль на дверях. Видела ее на плинтусах, на хрусталинках люстр. Пыль появлялась везде, иногда это было просто невыносимо.

Жирная пыль на вытяжке, серая пыль на занавесках. Между реечками на стульях. Нина, как параноик, выискивала новые и новые скопления пыли. Пыль в складках дивана. И конечно же, пыль на полу. Белая пыль от постельного белья, серая от одежды. А еще часть пыли – это частички человеческой кожи. Сколько в процентах этой кожи лежит сейчас на полу? Можно подумать, что дом Нины зарастал пылью, но не стоит так думать. Обычный вид обычной квартиры. Но когда в этой квартире проходит большая часть дней, то глаз пытается видеть какие-то изменения. Выискивать что-то для того, чтобы усовершенствовать. Чтобы были цель и смысл. У Нины одной из целей стала пыль. Пыль была одновременно и собеседником, и врагом, и обстоятельством, и общей иллюстрацией жизни Нины. А если сюда добавить пятна, то вообще.

Протирала рамку с фотографией Богдана особо тщательно. Рамка с секретом: под снимком сына привет из прошлой жизни – фото для корпоративного журнала. Женщина за рабочим столом, за спиной – графики и макеты. Прохладная улыбка, тонкие руки, строгое платье, нордический тип. Нина, восемь лет назад. Недавно Илья пригласил в гости своих новых партнеров, один из них засмотрелся на фото: «У вас есть сестра? Такая деловая и красивая?» Через несколько дней вставила поверх той себя – любимую фотографию Богдана. Чтобы не сожалеть о былом. Теперь она вспоминала о той, прежней Нине, только когда терла эту фоторамку тряпочкой.

Одно время Нина увлеклась борьбой с пылью, приобрела специальные тряпочки из наноматериала, которые убирают эту пыль лучше всего. Накупила экосредства для мытья полов. Чуть не стала распространителем чудо-химии. От скуки. Или от беременности.

Сейчас Нина поостыла и покупала обычные дешевые тряпочки. Время от времени гоняла пыль. И иногда просто страдала от вида новых пылинок, таких черных, порочных на чистом кафеле в ванной. Нина так долго сидела дома, что заблудилась в нем. Она как будто стала меньше, затерялась среди этих бесконечных пылинок и пятен.

И когда становилось совсем тяжело, и притом без причины («Ведь у нас же все идеально», – говорил Илья), когда Нина упиралась во что-то непроходимое внутри, и радость не могла двигаться дальше, тогда Нина представляла себя пятном.

«Нужно больше бывать на людях», – говорила Нина себе.

– Тебе нужно развеяться, – сказала подруга.

И пригласила на детский день рождения.

Папа, мама и киллеры

За девять с половиной месяцев до письма

– Здравствуй, Нина! Мне нужен контакт надежного киллера. Ты можешь пробить по своим каналам?

– Мама, откуда у меня могут быть киллеры! И зачем тебе киллер?

– Как зачем? Решить проблему. Не будет человека – не будет проблемы. Свои руки марать не хочется. У меня есть некоторые сбережения. Тысяч 150 могу выделить на киллера, если все сделает чисто. В интернете я нашла несколько телефонов, но пока не звонила. Надо же по-умному поступить, чтобы следов не было. Из таксофона надо звонить. И в перчатках, чтобы отпечатков не оставить.

– Мама, ты не в себе.

– Я как раз в себе, а вот эта скотина, твой отец, не в себе. Это же надо, опозорить меня на старости лет перед соседями. Что люди подумают?

– А что подумают эти люди, если его убьет нанятый тобой киллер?

– Ты знаешь, что он сделал? Он не просто ушел, он продал нашу общую любимую машину! Наше семейное достояние! Он продал ее и купил небось кабриолет для своей профурсетки малолетней. Ты считаешь, этого мало, чтобы его убить?

– Думаю, что до заказного убийства не дотягивает грешок.

– Понятно, значит, ты родной матери помочь не хочешь. Вот она благодарность! Отворачиваешься от меня в трудную минуту.

И бросила трубку.

Прошло четыре дня после новости. Четыре дня после последнего дня Помпеи, когда вулкан извергся. Надо было продолжать жить среди развалин. Пока родители были вместе, существовала призрачная гарантия счастливой семейной жизни. Родители живут, значит, и у нас получится. Значит, есть шансы. У них же брак держится: да, ругаются, скандалят, но ведь живут же! Семья родителей,

как стена, которая защищает брак детей. Стоит ей развалиться, и все – никакой защиты. И остаешься один на один со своим браком. И вдруг иначе смотришь на него – на брак этот, и замечаешь, что по всей его поверхности протянулись трещины. Ты замазываешь-замазываешь трещины всем, что попадает под руку, – своим временем, сидением дома, своими принесенными в жертву делами, своими слезами, вашей страстью, своим жиром, вашим общим временем, новыми детьми, расставаниями, любовницами. Кто чем. Скандалами даже, личной психотерапией. Надеждами, что все склеится само. Мыслями, что так у всех, но живут же.

Или наоборот отворачиваешься от трещин и смотришь на те места вашего брака, где они еще не появились. И вроде как легче.

Но даже закрыв глаза и отвернувшись, слышишь тот самый треск. Это как сидеть в разрушающемся доме, зная, что соседний подъезд уже развалился.

И тогда закрадывается мысль: вдруг отец правильно сделал, что ушел? Вдруг это единственный выход? Вдруг лучше поздно, чем никогда?

До отца не дозвониться. Он прислал эсэмэску: «Прости меня, Нина». И больше ничего.

Мама была в неистовой ярости. Она порезала и сожгла все вещи отца.

Нине очень хотелось поговорить с отцом, расспросить его. Они всегда были на одной волне, находили общий язык. Даже в последние годы, когда отец, как рассказала мама, уже жил на две семьи, Нина ничего не замечала. Тихий, добрый человек. Всегда все в дом. Когда он успевал? Как жила та, с которой он бывал урывками? Ждала его? О чем он говорил с ней? Рассказывал ли о дочери, о жене? Как они познакомились, как решились стать любовниками? Вопросы ворохом летали в голове у Нины. А ответов не было. Ответом стала только эсэмэска: «Прости, Нина». И молчание. Молчание – знак согласия.

Вечером Нина бродила по дому, вытирала зеркала. Наводила порядок в комнате старшей дочери, которая на следующий день должна была вернуться из лагеря.

Раскладывала ее вещи в комоде, в котором все превращалось в дичайший бардак.

И постоянно заглядывала в мессенджер – ждала сообщений.

Дочь

Нина очень любила детей. Алину – строптивую, одаренную, умную принцессу. И Богдана – нежного, ласкового мальчика, такого открытого этому миру. И если Алина шла по жизни как дикая кошка, крадучись, подолгу отсиживаясь в засадах, то Богдан бежал нараспашку, радостно топая и хлопая, он был готов любить каждого встречного. Такая у него была особенность.

Нина любила своих детей до слез умиления и вины. Иногда терзания по этому поводу были невыносимы. С ними сталкивается каждая мать, успокаивала себя Нина. Она была разумной женщиной.

С утра Нина поехала забирать Алину из лагеря.

– Как отдохнула?

– Норм.

– Понравилось?

– Да.

– А что именно понравилось?

– Mam, ну что за тупые вопросы! Я не хочу сейчас разговаривать. Все норм, мам, без зашквара. Давай помолчим лучше, чтобы не ругаться. Я музыку послушаю.

Нина с дочкой ехали в машине. Алина, внезапно повзрослевшая, сидела рядом. В наушниках у нее играл трэш. Истошные крики исполнителей тонули в общем грохоте так называемой музыки.

Об этом никто не предупреждает. Конечно, есть люди с грустными глазами, которых ты старался не замечать раньше. Они иногда говорят о том, что их дети стали подростками. Это какой-то другой сорт людей, к которым, тебе кажется, ты никогда не примкнешь. Ведь ты сам недавно был подростком и все помнишь, и уж эту проблему ты точно решишь.

Одно дело объяснить глупому малышу, что ему нельзя грызть провод. А другое дело – с подростком, уже соображающим родным человеком, поговорить на равных. Конечно же, про провод сложнее, думаешь ты.

Дальше ты живешь себе потихоньку, растишь свое любимое дитя, чувствуешь себя молодой, не ребенком, но свеженькой. Решаешь задачи этой совсем недавно начатой жизни.

Но внезапно твой ребенок становится подростком. Всё действительно происходит неожиданно. И ты уже старик. Конечно, все это только в глазах ребенка, но эти глаза смотрят с такой болью и непоколебимостью, что нет сил. Ты уже – то самое поколение, которое ничего не понимает в современности, на тебя заведено дело с огромнейшим компроматом. В ребенке зарождается недоверие. И так дико странно, что у твоего родного дитяти есть секреты и темы, на которые он уже не хочет с тобой разговаривать, потому что ты из другой стаи – из стаи родителей. И кажется, ну ладно мои родители тогда бы не поняли, а я-то пойму. Но нет. И видишь, как любимое чадо откололось и поплыло своим собственным курсом, не слушая советов и набивая первые, уже не совсем детские, шишки. Сердце рвется. Только и успеваешь повторять: «Это пройдет, это пройдет, это пройдет».

Алина была непростой девочкой. С детства имела свой взгляд на вещи. Удивительно, но она как будто знала какую-то очень важную, очень страшную, очень большую тайну мира. Характер у нее получился трудный. Особенно цепляло неуместное правдурбство. Она говорила людям в лицо то, что думала о них, об их поступках, о том, как стоило бы себя вести. И никогда об этом не

жалела – и не жалела людей.

Однажды Нине позвонила учительница младших классов. Плакала и жаловалась на Алину. Алина ушла из класса, сразу же как прозвенел звонок. Учительница еще не успела додиктовать домашнее задание и остановила Алину в дверях.

– После звонка я уже не принадлежу школе, я принадлежу родителям. Если вы не успели что-то рассказать, то это ваши проблемы, – сказала Алина и вышла из класса.

Нина ходила в школу, успокаивала учительницу, извинялась. Алину водили на разные психологические школьные тестирования, пытались как-то ее типировать – все без толку...

И таких случаев было не один, не два. Родные не ограничивали Алину в свободе высказываний. Мягко журили, но больше восхищались. И это все, как сейчас казалось Нине, шло дочери не на пользу.

– Я слушаю только мужчин из моей семьи, а ты мужчина не из моей семьи, – отвечала Алина сделавшему ей замечание гостю.

Однажды Алина пришла к директору школы. Частная маленькая школа, где старались найти индивидуальный подход к каждому ученику. Так вот, Алина пришла к директору школы и сказала: «Я больше на уроки ИЗО ходить не буду, потому что я вашу учительницу по ИЗО ненавижу».

Алина рисовала на уроке рыбу, рыбы – тема урока. По плану у рисунка должен был быть фон, но Алина думала иначе, она хотела рыбу на белом. Учительница настаивала на фоне, Алина упорно не хотела рисовать задний план. Вышла из класса – и напрямик к директору.

И снова Нину вызывали в школу. Снова расшаркивания и защита дочери перед несовершенной образовательной системой.

Эти случаи пересказывали за семейными ужинами, передавали гостям. Алинина дерзость принималась в семье как диковинка, как аллигатор в квартире. И до

какой-то поры все удерживалось в рамках благополучия. Когда именно произошел сбой, Нина не помнит.

«Наверное, все было бы иначе, если бы не развод», – думала Нина. Все могло бы сложиться для Алины совсем по-другому, если бы Нина не развелась с первым мужем. Если бы у Алины был отец. Тогда, возможно, не было бы этой бездны, куда, как казалось Нине, проваливается дочь.

С появлением нового мужа и брата (что особенно повлияло на Алину) отношения матери и дочери разладились. И сначала этого никто не хотел замечать. Из лучших побуждений. Алина все больше времени проводила в своей комнате, все дольше сидела в интернете, все дальше уходила в свое, совсем не ведомое Нине плавание.

Они сидели в одной машине и молча смотрели на дорогу. Две такие родные девочки, две такие далекие. Две такие несчастные и неспособные утешить друг друга. Все сценарии утешения, которые приходили в голову Нине, Алина разбивала парой слов. Самой же Алине не приходило в голову утешать мать, потому что мать сама во всем виновата. Она виновата в своей никчемной жизни, в мерзком малыше (так Алина называла брата) и не подходящем для нее муже. И она же – мать – виновата в том, что жизнь Алины бесповоротно разрушилась.

Дома Алина не притронулась к еде. Встала на весы – 37 килограммов. На два больше, чем было до лагеря. Эта чудовищная новость была настолько невыносимой, что Алине захотелось что-то сделать с собой, с этим непослушным телом, которое так настырно не хотело снижать вес. Она закрылась у себя в комнате, достала канцелярский нож и сделала один надрез на руке. Посередине между двумя другими старыми шрамами. Кожа легко поддалась лезвию и выпустила струйку крови. Порезы стали уже привычным делом. Их удавалось скрывать под длинными рукавами.

Нина изо всех сил старалась залатать увеличивающуюся брешь, лезла в душу, предлагала разные совместные занятия или просто ругала Алину за бардак в комнате. Спрашивала про школу, про учебу. Это все были неверные заходы, но у Нины по-другому не получалось. Тревога в ее сердце была настолько сильной, что временами овладевала ею полностью, Нину выбрасывало из равновесия, она не могла совладать со страхом за дочь. Страхом, приносящим боль, страхом,

который принимал уродские формы и выражался в крике, неправильных вопросах, ошибочных предложениях, неверном поведении – страхом, который только увеличивал стену между матерью и дочерью.

Алина говорила, что мать предала ее, но не тогда, когда вышла замуж и родила младшего ребенка. Дочь не могла просить Нине кардинального изменения, которое мать допустила: вдруг стала скучной, ординарной – такой, за которую стыдно перед подругами. У подростков такие заморочки. Слова дочки отзывались в Нине тяжелейшей ядовитой болью. Алина, как всегда, находила то место, которое больше всего болело и которое хотелось спрятать даже от самой себя.

Детский день рождения

За девять месяцев до письма

– Ладно, с киллером я погорячилась, мне нужен просто стоматолог.

– Ты хочешь сделать зубы?

– Да, я сделаю зубы, и стоматолог отсыплет мне мышьяка.

– Мама, не начинай.

– А ты, когда пойдешь в гости к своему отцу, случайно просыплешь мышьяк ему в борщ. Ведь эта пигалица наверняка готовит ему борщ.

– Мама...

– Я тебя растила и ничего не просила, а сейчас мне нужна твоя помощь.

– Мама, ты же шутишь?

– Я буду с красивыми зубами. И вдовой. Надо успеть до официального развода.

– Мама, ты, как всегда, не унываешь.

– А зачем мне унывать, дорогая? Чтобы этот упырь на моей могиле целовал свою кралю? Не дождется! Так, что я хотела тебе еще сказать... Про киллера, про зубы и еще что-то важное было. Память от горя совсем отшибает. А! Вот. Нина, мне приснился сон. Вещий. Про тебя.

– Опять ты за свое, мама.

– Нина, говорю же, я женщина в горе, у меня поэтому ночами иногда открывается портал в будущее. Я увидела, что тебя ждет какая-то встреча судьбы! Там было много детей, прям детский сад какой-то. Ты и какой-то очень красивый мужик, вы в струях золотых. Не Илья точно, темненький. В общем, будет шанс, не упускай, бери мужика. А то потом жалеть будешь и до локтей своих докусаешься, как я.

– Мама, опять ты начинаешь свои интриганские козни. – Нина по-доброму это сказала, с шуткой, даже самой стало смешно.

– Говорю тебе – встреча века! Сон не простой, уж я-то это знаю. Перед тем как ты у нас появилась, мне тоже несколько раз снилось что-то – и все сбылось.

– Что тебе снилось, мама?

– Не помню уже, говорю же, горе всю память мою съело.

Понимаешь, что глупость, но очень хочется поверить. Потому что пришло время поверить во что-то такое – в чудо или в то, что тебя ждет наконец что-то хорошее. И Нина поверила: случится необыкновенное. Она почувствовала на лице свежий ветерок. Ветерок скользнул со щек и слегка потрепал волосы. Богдан играл на площадке, а завтра им предстояла поездка на детский день рождения. Мама не знала об этом...

Когда долго не происходит ничего приятного, привыкаешь придумывать свой максимум хорошего. Например, сегодняшний день был хорош, потому что

огурцы купила в магазине вкусные. И потому что Богдан не писается в постель, гуляет и спит без подгузника целых две недели. Когда это – главные положительные события недели, то очень хочется поверить, что с тобой случится нечто прекрасное совершенно другого порядка. Настоящего, взрослого разряда. Ведь мы же взрослые люди. Вдруг в твоей жизни из неслучившегося осталось что-то интересное? И оно приближается.

– Ура!!! На день рождения! На праздник! На праздник! На праздник! Мама! Я с дивана упал!

Цель: в субботу на машине поехать на детский день рождения. В центр. Не важно, что сам праздник длится около двух часов, сборы всегда напоминают экстренную эвакуацию на Луну. Нужно взять с собой все жизненно необходимое: воду, одежду, микроаптечку, еще одну одежду, салфетки, горшок на всякий случай тоже. Потому что Богдан очень трепетно относится к некоторым физиологическим процессам и не может разделять эти моменты с незнакомыми унитазами.

Надо же еще понять, что надеть. Длинное пестрое летнее платье хоть и было маловато, но выгодно подчеркнуло грудь, показав, быть может, чуть больше, чем следует. Но красиво же. Нина даже хотела приклеить себе ресницы, но они приклеились криво, пришлось отдирать. Веки от этого порозовели, что сделало взгляд выразительнее, решила она.

– Ты такая красивая, мамочка, ты как рыбка Дори! – сказал Богдан. А ребенок не соврет.

И не забыть подарки: один имениннику, а другой своему чаду. Игрушки в машину, флешку со сказкой. После всех приготовлений квартира как после небрежного, грубого обыска.

– Мам, а что такое обыск? Мам, а у нас обыск? Мам, а когда у нас будет обыск?

Собрать вещи, когда в доме маленький диверсант, – та еще задача. Готовый сюжет для новой игры: мама собирает вещи, а диверсант их достает, перекладывает и зловеще хохочет.

– Я не хочу синие сандалии, я хочу тапочки с Маквином! Мама, а еще мне нужна вот эта шапка с пумбоном. Я поеду в шапке с пумбоном!

Но каким-то чудом удастся вырваться. Поехали. Малыш уже просто плачет, потому что ему все надоело, у него все отнимают, его идеи развлечься обесценивают, фантазию притесняют.

А потом начинается страшное – через двадцать минут Богдана тошнит. Укачало. Потому что август и все дороги в Москве ремонтируют. Да еще и моют дорожные отбойники. Когда еще их мыть?

Пробка, даже нигде не встать: тут моют отбойники, там разъяренные водители грузовиков матерятся так, что ощущаешь их волны гнева. Звонит мама, пишет эсэмэску подруга. А телефон сломался и вырубается каждые пять минут после того, как Богдан сбросил его со стола сто пятьдесят раз.

– Мам, а меня вырвало? Мам, а почему меня вырвало?

И тут справа, буквально обтирая ремонтное ограждение, протискивается чистенькая черная BMW, а в ней юнец с пушком вместо бороды, который чувствует себя Аполлоном. Самопальный Аполлон опускает стекло, подмигивает изо всех сил. Игнор женщины за рулем его раззадоривает. Нина не может скрыть нервную улыбку. Он все же чересчур юн для «встречи судьбы». «Увидел бы малец, что у меня в машине на заднем сиденье творится, гарантированно стал бы чайлдфри до седых мудей». Он расценивает ее улыбку как знак и становится еще активней. А Нина просто смотрит в небо.

В небе облачка. Такие беспечные «ля-ля-ля», как овечки пасутся на голубом лужочке. Им совершенно не до наших проблем. Они на своей волне.

– Мам, меня опять вырвало? Мам, а почему опять меня вырвало? Мам, я хочу картошку фри. А ты меня переоденешь? А паспорт мы постираем и он снова будет чистым?

– Мам, а скоро мы приедем?

– Мам, когда приедем?

– Мы уже подъезжаем?

В зале было шумно – двое аниматоров в костюме фиксиков развлекали толпу детей. Если по-честному, то про толпу преувеличение – всего шесть мальчиков и девочек от трех до шести лет, но шума и хаоса от них было, как от армии. Дети трансформируют нашу жизнь иногда до неузнаваемости. До таких масштабов, что уже невозможно узнать даже себя. Дети меняют пространства, перепрописывают значения мест. Когда-то сад «Эрмитаж» был точкой, где происходили разные шальные события молодости. «Парижская жизнь» с богемными сходками и концертами любимой Богушевой, после которых часто случались философско-романтические беседы с незнакомцами, а в завершение – поцелуи с совершенно посторонним человеком на лавочке сада. Здесь был модный и порочный клуб «Дягилев», куда пускали только самых крутых ночных тусовщиков, не богему, а узкую прослойку крутых и безмозглых. Но туда так и не довелось попасть, потому что страх оказаться недостаточно крутой, недостаточно модно одетой, недостаточно красивой, подкрепленный презрением ко всем безмозглым, оказался сильнее любопытства. Потом «Дягилев» сгорел и целый год черным пятном напоминал о тлене всего безмозгло крутого.

Еще здесь работала китайская чайная, с маленькими комнатками, где нужно сидеть на полу и пить только чай. С чаем надо было познакомиться – нюхать из специальной посуды, а потом пить и заваривать его снова и снова из термоса. Там обычно случались важные сокровенные разговоры. А может, эта чайная до сих пор есть? Но все это уже не имело значения, потому что сад «Эрмитаж» перепрограммирован, на нем теперь приклеен новый лейбл – ДЕТИ.

В детях изначально заложена мощь, они, как воины хаоса, стремятся победить порядок мироустройства. Как санитары леса, дети убирают отмирающее прошлое даже из привычных переживаний. Как сама вселенная стремится к хаосу, так и эти микрокосмы – дети крушат жалкий порядок, созданный новорожденными взрослыми.

Малыши оглушительно верещали и носились по залу. Родители стояли вдоль стен, на их лицах сменяли друг друга чувство ужаса и чувство любви. Богдан присоединился к детской банде. Аниматоры в костюмах фиксиков старались обуздать дикарей.

– Кто со мной надувать мыльные пузыри? – истерично-весело спросил фиксик и метнулся к цветному мешку с реквизитом.

Его помощница уже расстелила брезентовое покрытие на полу, достала плоские посудыны и налила в них мыло из специальных канистр. Фиксик включил небольшую машинку, из которой тут же полетели непрерывной очередью мыльные пузыри. Дети начали охотиться за пузырями, лопать их ногами, ловить руками и пытаться посадить на язык.

– Крибле, крабле, бум! – завопил истошно фиксик. Очевидно, ему казалось, что чем он громче кричит, тем больший вес приобретает в глазах детей. Ах, если бы все было так просто... Тогда фиксик поймал самого маленького мальчика (им как раз оказался Богдан) и поместил его внутрь гигантского мыльного пузыря. Какое-то время малыш стоял в пузыре, будто в волшебном коконе, с восторгом рассматривая мир через блестящую пленку. Попробовал потрогать пузырь пальцем, но он тут же лопнул мелкими брызгами. Богдан замер, словно колебался и выбирал, как к этому отнестись: испугаться и зарыдать или, может быть, что-то другое почувствовать? Богдан побежал к маме обняться. Нина обхватила его крепко-крепко, любимого своего малыша. Какой же он у нее чуткий, добрый, нежный и ранимый, думала она. Нина сжимала Богдана в объятиях, гладила спинку своей такой огромной ладонью.

– Не бойся, малыш, это всего лишь мыльные пузыри, это весело. Это не страшно. Сначала они такие красивые и блестящие, а потом всегда лопаются.

– Настоящее волшебство?

– Да, сынок, как настоящее волшебство. А потом хлоп – и превращаются в несколько капель мыльной воды.

Богдан прижался к маме. Он не хотел, чтобы было так.

– Когда вырасту, я придумаю такие мыльные пузыри, которые никогда не лопнут. И у меня будет самый большой и самый красивый мыльный пузырь.

– Конечно, сынок. Обязательно придумаешь.

Фиксики поочередно сажали детей в пузыри, дети хохотали, фотограф пытался поймать хороший кадр, девочка-фиксик раскладывала принадлежности для аквагрима на небольшом столике рядом.

Наконец появилась Катя – мама именинницы. И пригласила всех взрослых к столу, накрытому в бомбоубежище, то есть в отдельной от детских игр комнате, оборудованной стеклянной перегородкой, сквозь которую видно, как развиваются события у фиксиков. У девочек очень быстро появились кошачьи мордочки, мальчики отрастили усы и обзавелись пиратскими повязками, а Богдан стал тигром. Фиксик достал лед, от которого стелился густой пар.

Родители рассаживались за столом. Из всех взрослых Нина знала только Катю – свою подругу. Гости представились друг другу, но Нина не запомнила ни одного имени. Две семейные пары, одна любопытнее другой, и еще женщина. Родители общались между собой – они явно были знакомы, но не близко. Их дети вместе с дочкой Кати ходили на занятия для малышей. Ездили раз в неделю в клуб в саду «Эрмитаж», который был популярен среди прогрессивных родителей. Кате и ее дочке Софии очень нравились занятия. В клубе показывали домашние спектакли, мастерили поделки из бумаги, желудей и каштанов, устраивали развивающие занятия по мотивам популярных педагогических методик: Монтессори, Доман, вальдорфский подход, песенки Железновой и произвольные вариации всего этого. Были даже детский фитнес и беби-йога.

Столько всего можно делать с детьми, если живешь в Москве! Столько всего надо знать, чтобы прослыть внимательным современным родителем... И лучше, конечно, ездить в центр города, потому что в центре все более качественное. Так считалось. Один знакомый Нины каждую субботу водил свою дочь в ГУМ на занятия по английскому языку. Что поделать: живешь в таком городе – приходится соответствовать. Нина вздохнула. Она сильно сомневалась в пользе раннего развития. Раньше, со старшей дочкой, она была приверженцем таких занятий, но со временем разочаровалась. Снова вспомнила Алину. Алина совсем

таяла и как будто заболела бешенством, кидалась на Нину, если у нее спросить не о том, о чем можно спрашивать. Нина почувствовала, как тяжелый шершавый комок застрял где-то между горлом и сердцем. Ей совершенно не с кем поговорить об Алине.

– Вы часто ходите на занятия в «Садик гномиков»? – спросила женщина, сидевшая справа.

– Мы не ходим сюда – живем слишком далеко, Богдан плохо переносит дорогу. Кате в этом смысле повезло больше – София любит кататься на машине. Мы с Катей соседи.

– Понятно. А мы только начали ходить сюда. Были уже два раза. И София сразу же пригласила мою дочь на свой день рождения. И я подумала, почему бы не пойти. Детям такие праздники полезны. И вот мы здесь.

– А сколько вашей дочке?

– Три с половиной. А вашему ребенку?

– Скоро будет три. Мне показалось, что он самый маленький здесь.

– Но ему очень полезно тоже, он так быстрее научится общаться с социумом, – заключила собеседница.

Нина представила социум с гигантскими мыльными пузырями, мечами и шлемами из длинных надувных шаров и бешеными фиксиками. И еле сдержала смехок.

Гости вели необязательные, короткие разговоры. Обсуждали занятия, хвалились успехами своих детей. Или сетовали на неудачи.

– Витя до сих пор не научился читать. А ему уже скоро четыре года! Мама говорит, что я к этому возрасту уже два раз прочитала «Букварь» и решала примеры с иксами. Витя знает буквы, но в слоги складывать не может. Скорее всего он умственно отсталый или аутист. Я каждый день ему включаю диск от «Кубиков Зайцева» – все без толку. Никто из вас не знает хорошую школу для

дебилов?

Молодая яркая женщина явно была расстроена. За столом повисла пауза. Отчетливо можно было расслышать несколько озадаченных протяжных «Ээээ», но никто не спешил говорить. Нина уже собралась вступить за Витю, которого ей стало жалко, но тут женщина обернулась к мужу.

– Да все в порядке с Витей, – ответил муж и закатил глаза.

– Ничего, дорогой, мы справимся, – как будто не разобрав смысла ответа мужа, продолжала красотка. – Тем более у нас есть запасной малыш. – Женщина погладила себя по округленному животу. – Если с одним что-то окажется не так, то у нас будет второй.

Эта шутка ей показалась очень смешной, и она рассмеялась.

– Катя, скажи, какое сегодня детское меню? – спросила другая гостья. – Моим детям нельзя глютен и сахар. Я принесла с собой лоточки с ланчем для них, если вдруг не предложат подходящей пищи.

В бомбоубежище зашла аниматор с Богданом.

– Мам! Я описался, – радостно сказал Богдан. – Было так интересно, что я все никак не мог пописать. А потом мы стали играть в смешариков. И вот.

– Какая досада. Мои дети уже не писались в его возрасте. Возможно, дело в глютене, он губительно влияет на организм. Вы даете ему белый хлеб? Не давайте. Я могу поделиться паровой брокколи. – Женщина с лоточками выглядела очень участливой.

– Нам бы больше подошли сейчас штанишки, спасибо.

Богдан уже был в сменной одежде: на парадный костюм его вырвало в машине, и пришлось надеть сменку, которую Нина брала всегда.

– У меня есть колготки Эльвиры, – сказала соседка справа. – Я могу дать. Они будут, наверное, великоваты, но лучше, чем ничего.

– Спасибо большое вам...

– Диля, меня зовут Диля.

– Спасибо, Диля.

Нине показалось, что все сидящие за столом осуждают ее. Но уже через пару минут Богдан весело бегал в белых колготках, абсолютно не смущаясь. Счастливый возраст.

– Как балерун! – сказала одна из гостей.

Праздник уже подходил к концу, детей усадили за стол и угощали тортом. Двое маленьких гостей ели вместо этого финики из лоточков.

– Как я вам благодарна, Диля, вы нас выручили. Как вам передать колготки?

– Да ну что вы, такая мелочь. Можете оставить их себе.

– Нет, я обязательно их вам отдам.

Женщины обменялись телефонами. Диля уже стояла в дверях и одевала дочь. За нею заехал муж. Дверь открылась. Вошел мужчина.

– Нина?

– Ринат?

– Вы знакомы? – спросила удивленно Диля.

Да, они были знакомы сто лет назад, в детстве. Так они встретились спустя пятнадцать лет. Описанные колготки послужили поводом для нового сближения. Судьба?

Ринат

Ринат. Давняя история. Первая детская любовь. Воспоминания, которые всегда будут чистыми, потому что они про то самое время, когда только-только перестаешь верить в Деда Мороза, но все равно с трепетом загадываешь желания на Новый год. Эти воспоминания аккуратно отделены от сегодняшней жизни рамкой, и поэтому в них нет пятен, нет следов. Там все красиво. В музее памяти с них регулярно стирают пыль и покрывают блестящим лаком.

Нина решила написать ему, своему Ринату. Сама, первая.

Домой ехала окрыленная. Богдан уснул, утомленный игрой. В машине разливалась приятная редкая тишина. Нина смотрела на газоны – зеленая трава была такой свежей, как у бабушки в рязанской деревне. Вспоминала давние летние каникулы. От этих воспоминаний настоящее становилось как будто бы не таким явным, а прошлое проступало объемными глянцевыми образами. Алюминиевый ковшик в ведре с колодезной водой. Полевая клубника на лугу около сельского кладбища. Лесная тропинка, по которой почти никто не ходит. Метровый муравейник, в него надо совать травинку, а потом облизывать. Салат из огурцов, укропа, петрушки и яиц. Миски, которые надо мыть в большом тазу с содой или горчицей. Деревянный колодец, на внутренней стороне сруба растут грибы. И почему-то очень хочется ведром их зачерпнуть, но никогда не получается. Железная дорога и ржавый мост через реку. Река мелкая – с моста видно водоросли, растущие на дне. Старый велосипед «Десна». Очень страшно ехать по железнодорожному мосту. Аккуратно сшитая вельветовая сумка с шестью буханками черного хлеба висит на руле. Трехлитровая банка земляники. Картошка, которую надо полоть несколько часов. Коровьи лепешки, в которые обязательно хотя бы раз в день попадаешь ногой. Вечером приходят овцы, хозяйки выходят с кусками хлеба и кричат: «Кать, Кать, Кать», «Борьк, Борьк!» – зазывают овец. Гуси шипят и бегут за тобой, но их совсем не боишься. Если только чуть-чуть. Сладкая-пресладкая черная вишня. Озеро, где растут кувшинки. Мальчишки пугают пиявками. Плынешь и видишь пальцы ног. Вода теплая, нежная, ласковая. Кукурузное поле, и в нем непременно живет черный человек, его Вовка сам видел. Разрушенный дом, от которого веет холодом и тайной. Вечерние посиделки, ночные посиделки. Походы на кладбище. А еще можно обернуться в скатерть и пугать белой бабкой. Блестящая роса,

бесконечное звездное небо, поют цикады (или как там их звать), фонарь светит через листву. Сидишь на лавочке у забора. Разноцветные маленькие домики с палисадниками. Везде спят. И любишь. Все легко и очень по-настоящему. И все это сейчас для нее соединялось с именем Ринат. Потому что бабушки и дедушки вот уже несколько лет не было в живых. Дом детства продан. А Ринат остался.

Ее сознание хотело сбежать в те воспоминания, когда жить можно было безопасно.

Что же известно про Рината? Старше на пару лет и тот самый мальчик, с которым она впервые поцеловалась. Сколько ей было тогда? Двенадцать или тринадцать? Она открыла соцсеть и набрала в поиске «Ринат Рахманов».

Ринат жил в сталинском, как принято называть в Москве, кирпичном доме. Не центр и не окраина. Интеллигентный район. Небольшая двушка на Академической, где в советское время давали квартиры членам РАН.

Ринат квартирой гордился. Это был важный трофей. Гордость. Орден. Хотя нет – в его представлении квартира приравнивалась к внезапному дворянскому титулу с собственным поместьем. Ринат официально стал москвичом.

Большой финансовой заслуги его в этом не было. Скорее он поймал квартирную волну и правильно женился на Диляре. Случайность столкнула их в общежитии на одной из студенческих вечеринок, которые заканчиваются хмельным сном в объятиях ближайшего соседа.

Диля, спокойная, тихая, усидчивая студентка скромного нрава. Из современной интеллигентной семьи. Тонкая как лоза. С нежными глазами, как у газели. Доучилась до четвертого курса без приключений, шла на красный диплом. Ни с кем не встречалась. Получала повышенную стипендию. Непонятно, как она оказалась на той вечеринке. Взяли соседки с собой, чтобы подшучивать над ней? Или сама захотела посмотреть на обратную сторону студенческой жизни? Ринат положил на нее глаз сразу, как только увидел – она выделялась из общей массы. Завел разговор. Она слегка шугалась, видно было, что ей хотелось казаться смелее. Это его безумно заводило. Ринат увлекся Дилей. В ту хмельную ночь она не уступила. Уснула под боком Рината, как ребенок. Она держалась пару месяцев. А уже ближе к весне все и случилось. Разумеется, свадьба.

Появился Ильдар – дар солнца, Врата Бога. Ильдар связал их. Навеки скрепил Дилу с ее первым мужчиной. Потом родилась дочь Эльвира.

Малышка уже научилась говорить, была милым, умным ребенком с горячими озорными глазами. Жили супруги мирно, не ругались. То есть почти не ругались. Все свои межличностные проблемы они бросали в омут.

«Привет, Ринат.

Сколько лет прошло! Рада, что ты нашелся. Как тебе передать колготки?»

На фотографии улыбался мужчина. Взрослый, но ей казалось, что глаза у него озорные и горячие, как у юноши. Она не хотела себе в этом признаваться, но его взгляд пробуждал в ней что-то, что заставляет кровь щекотать тело изнутри. Нина нажала «отправить».

Она вспомнила, как обнимались. Дети еще. Ей лет семнадцать. Стояли в сквере около дома в Бирюлеве. Ринат снял свою первую квартиру, вскладчину с друзьями и еще кем-то. Это была первая встреча Нины с ним после дачных. На даче он был как бы хозяином места, а Нина приезжала на все лето, но не считалась местной. Она считалась москвичкой, этот статус был несравнимо круче.

А тут Нина уже хозяйка. Ринат, страшно гордый, показывал ей свое жилье. В трехкомнатной квартире обитало шесть человек: Ринат с другом, какие-то циркачи и вечно пьяный хозяин в самой маленькой комнате. Ринату досталась изолированная комната, а циркачам проходная. Нина немного надменно (хоть и старалась это скрыть) на все смотрела и растерянно говорила: «О, какое милое местечко». Циркачи пили крепкий чай, «нет, спасибо чай я не буду». Пьяный хозяин квартиры в серых семейных трусах, с такими же серыми волосами и такими же серыми наколками, вышел из туалета. И, не заметив Нину, поплелся к себе. Было ощущение, что у этого человека отключилась опция цвета. И он весь был ч/б, как и обстановка недорогого жилища.

– А давай выйдем на улицу.

– Давай.

На улице резвился май. Поздний московский май с сиренью, свежей листвой, бегающими радостными детьми и собаками. Сочная, сильная весна набирала обороты.

Нина в то время была дерзкой и амбициозной. Перешла на второй курс, хороший вуз, первые подработки, интересные приятели. Отец обещал ей купить машину – маленькую машинку для девочки. Нину ждало прекрасное будущее, оно уже открыло ей свои золотые ворота и говорило – делай же шаг, я тебя жду.

А тут Ринат. Он, конечно, хороший, добрый, но как будто из параллельной вселенной. Он из того прошлого, откуда надо было делать шаг в будущее. Ринат, ей казалось, шагает совсем в другое будущее, в другую дверцу. И эта дверца – деревянная калитка палисадника.

Они стояли у подъезда девятиэтажки, Ринат рассказывал, как ему повезло с квартирой. За такую цену. Говорил о своих планах. Бравировал любовными победами. Нина кивала безучастно. Ей казалось, что это ошибка программы и в этот момент надо быть в другом месте. Ринат в обстановке города выглядел нелепо, неуместно. Из подъезда вышли ребята и отпустили несколько комментариев по поводу юбки Нины. Смачные одобрительные комментарии. Ринат сделал шаг к Нине и слегка приобнял за талию. Жест ребята поняли правильно и больше ничего не говорили.

Но от невинной близости двух тел Нина внезапно ощутила взрыв. Словно огонь вспыхнул в газовой плите. Как будто газ уже давно выходил из трубы, а тут внезапно загорелся. Неожиданное, новое, очень сильное ощущение. Нине стало страшно. Она отступила. Хотя кое-какой опыт общения с мужчинами у нее имелся, взрыв она ощутила впервые.

Ринат смотрел на нее молча.

– Не бойся их. Эти ребята не опасные. – Ринат взял ее за обе руки и сделал шаг назад. – Просто постой со мной. Просто так давай постоим тут. – Он приобнял ее за плечи.

В этот момент секунды стали длинными как бесконечность.

– Мне надо ехать.

Прикосновения Рината вызывали в ней какую-то непонятную бурю. Одновременно и сладостную, и неприятную. Нина тогда ушла. Но потом много раз вспоминала взрыв и худые, жилистые руки, обнимавшие ее. Искала что-то похожее в других встречах. Сейчас ей казалось, что похожего не было.

Она любила это воспоминание и хранила в разделе особо важных.

Ринат смотрел на нее с фотографии в фейсбуке и тепло улыбался. Нина отметила, что годы шли ему, он похорошел, возмужал. Он всегда нравился женщинам, а женщины нравились ему. Они были для него неотъемлемой частью жизни. Именно женщины – во множественном числе. Их должно было быть много и разных. Ни об одной из них он не отзывался плохо. Никогда не делился подробностями. Романы у Рината никогда не прекращались. Все это знали и относились как к милому чудачеству.

Барашек

В студенческие годы Ринат был для Нины интересным экспонатом из прошлого, она пару раз показала его подругам на общих тусовках. Подруги посмеивались над его провинциальностью, но в целом, можно сказать, Ринат вписался в их круг в качестве редкого экзотического гостя. И успел закрутить несколько романов.

В тот год Нина с друзьями собиралась поехать на Ивана Купалу за город. Ночь, костер, купание голышом. Звали всех – нужно было отбить аренду автобуса. И

Нина пригласила Рината. Он поехал. Обещал помочь разделать баранью тушку. Они купили барашка у фермера. Живого. Везли его в салоне автобуса со связанными ногами. Отмечать решили на маленьком островке в Конаковском водохранилище и добираться на лодке. Пока плыли, барашку было очень страшно. Ринат держал его крепко. Барашек дергался и блеял. Когда лодка приблизилась к берегу, барашек совершил отчаянный рывок, но дернулся неудачно. Фатально для него. И переломил себе хребет. Ринат вынес его на берег уже бездыханным и выпустил кровь.

Было в этом случае что-то неверное. Преждевременная смерть животного, которое и так собирались зарезать. Барашка разделали, но те, кто плыли с ним в лодке, есть его не стали. Все свидетели, не сговариваясь, никому не сказали про несчастный случай. И между собой это никогда не обсуждали. Шашлык и шашлык.

Отправив сообщение Ринату на фейсбук, Нина никак не могла прогнать из памяти барашка. Она видела, как ягненок отчаянно вырывается из рук, а Ринат, испуганный и рассерженный тем, что сам делает, крепко держит его ногами кверху. Голос существа, из последних сил зовущего на помощь. Четыре пары глаз, смотрящие на него. А потом вдруг тишина. И смерть. И ты в лодке с ней, со смертью.

Та ночь прошла по-молодежному весело. Ели, пили домашнее грузинское вино, купались в теплой воде, пускали венки, прыгали через высокие костры. В финале многие уединялись по палаткам. А те, кто не нашел себе любовного занятия, сидели у костра и травили анекдоты и байки.

Ринат подошел тогда к ней, взял за руку и сказал:

– Давай прыгнем! Давай, я хочу прыгнуть с тобой.

Но Нина не решилась. У нее тогда был настоящий молодой человек, и она боялась, что он не одобрит. Молодой человек весьма и весьма перспективный. Из хорошей семьи. Золотая медаль. Очки, математические способности. Амбиции покорять Кремниевую долину.

– Я слишком занята, – ответила она тогда.

С тех пор было еще несколько встреч с Ринатом, которым Нина не придавала значения. Десять лет назад они виделись на какой-то вечеринке. Потом он находил ее через знакомых, привозил сувениры, подарки для ее дочери. Ей все это льстило, но было совершенно не нужно.

На следующий день Ринат ответил:

«Привет, Нина!

Давай увидимся завтра утром».

Первая встреча

За восемь месяцев и три недели до письма

Нина завтракала. Сначала в нее провалился круассан. Настолько незаметно, что пришлось съесть еще пару бутербродов с маслом и сыром. А в компанию к кофе сгрести горсть детского печенья. Когда Нина была в задумчивости, она могла съесть ведро еды и не заметить. Заметно становилось только спустя какое-то время, когда никак не получалось застегнуть любимое платье.

Сегодня она встретится с Ринатом. Колготки, постиранные с ополаскивателем и разглаженные, лежали в маленьком бумажном пакетике. Нина хотела перевязать их ленточкой, но сочла, что это уже чересчур. В том, чтобы отдать колготки именно Ринату, необходимости никакой, попросту неприкрытое лукавство со стороны Нины.

Платье, которое она думала надеть на встречу, не нашлось. Всего пара миллиметров, и молния уже не сходится. Похоже, из 46-го размера Нина плавно перетекла в 48-й. Лишние килограммы не портили ее – так говорил Илья и так

говорила мама.

Что надеть? Что надеть? Нина перебирала в голове разные варианты и продолжала закусывать печеньем, драгоценное время уходило. Богдана она отвела в садик на автомате. В пижаме. Был у нее домашний плюшевый костюм, в котором можно добежать до сада. Но, о боги стилия, для встречи с другом детства он не годился.

Джинсы и майку или длинную юбку с кружевными вставками и шифоновый топ? Выпендриться или одеться так, будто не придаешь этой встрече никакого значения? Или строгое платье – деловая леди (хотя и то платье, скорее всего, не застегнется тоже). Оставалось двадцать минут до выхода.

Нина перемерила разные сочетания, разбросала вещи по спальне. Остановилась на белых джинсах и красной блузке в белый горох, на шею – подвеска с золотым листочком. Выбрала туфли на самых высоких каблуках (это удлинит ноги и придает изящество всей фигуре). Ярко, неформально. По-летнему.

Встреча предполагалась короткой, минут на сорок, не больше, надо было успеть в сад. В ГКП (группе кратковременного пребывания) воспитатели ворчали, даже если приходишь за ребенком ровно в 11:45, хотя группа официально работала с 9 до 12. Забирать детей просили в 11:30. А уж если опоздать и прийти после 12, то такое и вовсе было недопустимо. Поэтому лучше прийти вовремя.

Кафе «Шоколад» работает круглосуточно (значит, утром точно будет открыто), договорились встретиться в нем. Тем более что оно удобно расположено – недалеко и от Нины, и от Рината.

– Ты все хорошеешь и хорошеешь.

– То же и о тебе можно сказать. Возмужал, цветешь. Жена красавица.

Нина считала, что обязательно стоит сказать про жену, чтобы подчеркнуть нейтральный формат встречи. Она широким жестом передала пакет с колготками. Можно было, конечно, не устраивать столько суеты вокруг колготок. Нина чувствовала себя глупо. Перед ней сидел взрослый мужчина, а не юноша из

прошлого.

Ринат ощущал себя не умнее. Сейчас, при свете дня, он разглядывал Нину. Ей было не пятнадцать и не девятнадцать. Она поправилась, изменила прическу, между бровями уже наметилась морщина. Но дело было не в морщине, что-то другое сильно изменилось в Нине. Считывались усталость, угасание задора. Какая-то неприятная тоска-ожидание во взгляде. Ринату всегда хотелось убежать от таких женщин, с этим просяще-тоскливым взглядом, который проступал через улыбку и смех. Но что-то осталось и от прежней Нины. Ее порывистые движения, немного мальчишеские или девчачьи жесты. Нина все так же встряхивала головой, чтобы убрать челку с глаз. И губы остались такими же детскими, несовершеннолетними.

– Ну расскажи о себе, что ли, – попросила Нина. Она чувствовала себя неловко под взглядом Рината.

И Ринат начал рассказ. О себе, о семье, о своей жизни. Уложился в десять минут. Это была блестящая история успеха. Нина сделала тот вывод, на какой и рассчитывал рассказчик, – Ринат мужчина успешный, везучий, востребованный во всех смыслах.

– А как твои донжуанские похождения? Даже до меня доходили слухи. Ты слыл отчаянным любителем женщин. Давно завязал?

– Еще чего! Зачем расстраивать столько женщин, если я делаю их счастливыми и сам от этого кайфую. Обычно я про это не говорю, но ты же «свой пацан», тебе можно. Сегодня вечером будет еще одно свидание. Надо успеть разгрузиться до девяти. В полдесятого я уже дома.

– Казанова!

– Джакомо! Ты лучше о себе расскажи, как ты эти годы? Что у тебя хорошего произошло?

– Второй брак, второй ребенок. Сiju четвертый год дома. Кто бы мог подумать? Представляешь! Перспективы мои на грандиозную карьеру тают.

– А с первым мужем почему не сложилось?

– Да как-то стало понятно, что мы разные люди. Плюс алкоголь. Каждый день алкоголь – и я потеряла с ним связь. В какой-то момент мне стало понятно, что либо мне тоже нужен каждый день алкоголь, либо все. Андрей погрузился в свой мир. Я погрузилась в свой. Искала решения. Нашла тренинг личностного роста «Купель успеха». Кто-то посоветовал, сказали, что это очень хорошо помогает разобраться в себе и решить проблемы. Проблемы действительно решились – на тренинге у меня случился роман. И я ушла от Андрея. Он не особо заметил развод и не придавал ему важности. Думаю, он сам хотел расстаться, но не делал этого из лени и прагматизма. В его математическом мозгу наше уравнение уже было решено – в ответе в любом случае было расставание. Я стала жить с Ильей – это мой второй муж. Алина, дочь от первого брака, с нами.

– Я думал, ты никогда не разведешься, ты была вся такая правильная. Слышал от кого-то, что вы такая пара были – прям идеальные. Я думал, хотя бы у тебя будет все нормально в жизни... Ну а как Илья, им ты довольна?

– Илья... Да, довольна. – Нина заметно погрузстнела. Она колебалась, рассказать ли Ринату правду или описать свою жизнь в лучшем свете, чтобы выглядеть тоже состоявшейся. – Он целеустремленный, одухотворенный, успешный. Занимается своим бизнесом, но еще и духовным ростом. У него есть гуруджи – его индийский духовник-шаман. Я во всю эту историю особо не вникаю, Илья говорит, что это сугубо мужские учения. – Нина печально улыбнулась. – Знаешь, он так меня добивался. Однажды пригласил квартет музыкантов, и они пели песни у моего подъезда. Присылал мне открытки с описанием того, какая я. Где-то лежит обувная коробка с этими посланиями: «ты как июньский жасмин – благоухаешь желанием», «ты словно лучи луны, которые спустились к морю, чтобы его поцеловать», «ты бодрящий кофе», «ты – та книга, которую я хочу читать всю жизнь».

Нина вспомнила, как они целовались с Ильей в парке и занялись сексом в кустах. Или секса не было? Нина иногда не знала, что считать сексом, а что еще не сексом. Поцелуй – не секс. Потрогать друг друга и довести до оргазма без пенетрации – это секс? Тогда ли случилась ее измена мужу? Или не измена еще, потому что секс был не в полном смысле этого слова? Нина решила не посвящать собеседника в свои сомнения.

Нина вспомнила свадьбу, где почти все приглашенные – коллеги по тренингу «Купель успеха». Им дарили книжки про трансерфинг, плакаты мечты. Они тогда сделали татуировки хной на руках «мы взрослые люди». Татуировщицу тоже кто-то из гостей «подарил». Это, пожалуй, можно рассказать, и Нина рассказала.

Родители Нины на свадьбу не пришли – они сидели с Алиной. И офигевали. К Андрею у них были претензии, но Илья им не нравился еще больше.

– А как ваша интимная жизнь? – внезапно спросил Ринат.

– Она есть.

– Тебя он удовлетворяет как мужчина? – Ринат почуял, что тут Нина как-то занервничала. Слишком уж быстро произнесла «она есть» – и откусила безе так, что крошки разлетелись по всему столу и попали на одежду и волосы.

Нина жевала безе, сердито глядя на Рината.

– Слушай старого Казанову, я эти вещи чую за версту. Хочешь совет?

Нина молчала, теперь она делала глоток капучино, пенка от него осталась на кончике ее носа.

– Все, что тебе нужно, это снять мальчика, взять экстази и заняться разнузданным сексом. А потом расстаться с ним и больше не видеться. Лучше даже имени не запоминать. Проверено, работает безотказно.

– Так ты и по мальчикам тоже теперь? – Нине хотелось тоже поставить Рината в неловкое положение, а не только самой сидеть в луже.

– А что? Ты бы хотела, чтобы я и так мог? Ну и фантазии у тебя!

– Ринат, ты, может быть, не заметил, но я воспитанная женщина, у меня есть муж и двое детей, один из которых еще малыш. Какие мальчики? Какие фантазии?! Это у вас мужиков все просто, а у нас, у женщин, нет.

– Прости, не хотел задеть тебя, – говорил Ринат, и глаза его хитро сияли. – Я как лучше хотел. Как с другом говорил. Взрослая жизнь все усложняет, правда? Не то что раньше. На дачах, помнишь? Могли всю ночь болтать. Терзались какой-то ерундой, которая казалась очень важной. А то, чем мы терзаемся сейчас, тогда представлялось бессмысленной чушью.

– Ты всегда был ошеломляюще откровенен в некоторых вопросах.

– А ты всегда была скрытная. – Ринат прищурился и сделал большой глоток кофе. Он пытался раздеть глазами Нину, но белый горох бил по глазам – надежный камуфляж. Вырез у рубашки слишком скромный, до ложбинки груди не доходил. – И сейчас все самое интересное спрятала, хотя бы пуговицу еще одну расстегни по старой дружбе.

– Вот нахал! – воскликнула Нина. И ей ужасно захотелось расстегнуть пуговицу. Но ведь это было бы совсем никуда. Рука дернулась к пуговице и нервно ее закрутила.

– Какую-то пуговицу зажала. – Ринат игриво дразнил ее. – Вот смотри, я могу расстегнуть. – И он расстегнул пуговицу на своей рубашке. Нина увидела фрагмент худощавой груди.

– Ты дразнишь меня. Я помню твои приемчики, хоть прошло уже двести лет. Шиш что от меня получишь, кроме колготок.

– Если это будут твои колготки, я готов хоть догола тут раздеться.

– Слава дикобразам, колготки не мои.

Они оба засмеялись. Прожитые годы как шелуха слетали с них. После дикобразов слетело, наверное, лет пять.

– Ты помнишь про дикобразов. Здорово! Когда мы их придумали? Сколько нам было – лет по десять? – Ринат откинулся на стуле и, кажется, совсем перестал рисоваться. Нина смотрела на него и понимала, что он просто умопомрачительно красив. Он всегда был хорош: такой Маугли – смуглый, поджарый, шустрый, неугомонный. С ним всегда было весело дружить.

– Около того, – ответила она, и слетело еще несколько лет шелухи. – Как нас только не боялись ночами отпускать? Помнишь наше посвящение в дикобразов в сгоревшем доме?

– Еще бы! Ведь я был главный вождь!

– А потом мы пугали людей привидением бабки в белом. Все село говорило о привидении, которое стучится ночью в окна. – Нина рассмеялась в голос. У нее была очень бурная жизнь.

– Точно. А еще я помню, как убегал в белой простыне в лес. А злой Степаныч кидал в меня картошкой из ведра. Хорошо, что у него ружья не было.

Ринат коснулся руки Нины. Даже не коснулся, а взял ее руку в свою.

– А ты нам гадала тогда по ладони. У тебя где-то была распечатка из журнала «Скандалы», и ты всем нам успела погадать.

Ринат водил шершавым пальцем по линиям на руке Нины.

– И что же я тебе нагадала, ты помнишь?

– Дорогу дальнюю, казенный дом, свидание, большие приключения. Все сбылось.

– Щекотно, эй. – Нина попробовала убрать руку, но Ринат держал ее крепко.

– Какая у тебя странная рука. Такая нежная кожа, как будто ты до сих пор девочка. Как тебе это удастся? – Ринат медленно потянул руку к себе. – Пожалуйста, пару секунд. – Он наклонился над столом и прислонил руку Нины к своей щеке. Нина почувствовала пробивающуюся щетину, хотя ее еще не было видно. И горячую щеку. Секунду ее рука была на его щеке. И в это время он посмотрел в глаза спокойным и озорным взглядом одновременно. И Нина тоже посмотрела. В ее глазах Ринат прочел «спаси меня». Он улыбнулся. И медленно положил руку обратно на стол.

– Извини, увлекся, возвращаю в целости и сохранности.

– Не уверена насчет сохранности – поцарапал меня своей щетиной. Теперь придется зализывать раны.

– Я могу.

– Нет, достаточно уже того, что ты сделал.

Оба не сговариваясь посмотрели в глубь кафе. Официант готовил кому-то кофе, кофе-машина ревела белугой. Ринат опустил глаза, рассматривая дощатый пол.

– С чем у тебя ассоциируются эти доски? Дашь правильный ответ – с меня десерт.

– У ассоциации не может быть неправильного ответа.

– Не умничай, отвечай.

– Хм, доски. Доски. Нас с тобой много досок объединяло. Доски мостика, откуда мы ловили ротанов в озере.

– Нет. Холодно. Ты дальше от десерта. – Ринат глядел внимательно на лицо Нины. И был в этот момент запредельно прекрасен.

– А, я поняла, к чему ты клонишь. Наш шалаш, конечно же! Шалаш из досок, которые мы выклянчивали у всех. Мой дедушка на тачке подогнал кучу, и каждый принес по несколько досок. Кто-то отломал от забора.

– Коржик.

– Да, точно, и его бабка с хворостинной бегала за ним. У нас был крутейший шалаш. Трехкомнатный. Помнишь, как мы остались в нем на ночь, но кто-то из взрослых вытащил в четыре утра нас на улицу?

– Это было серьезное инженерное сооружение. – Все. Вот в это время им было уже по пятнадцать. – Мы планировали прихожую, куда посадим постового, чтобы нас немцы не окружили.

– Да, да, точно немцы. Дикобразы против немцев, – соседнее село называлось Немцово.

– Как же там было тесно. Я до сих пор помню твои острые коленки.

– А я помню, как пахли твои подмышки.

Детство вернулось к ним. Сквозь шелуху, сквозь одежду в красный горох и седые виски Рината друг на друга глядели два отрока.

– Помнишь, как мы тебя называли?

– Гаечка.

– Да... Я помню, как мы давали клятву на крови, что никогда не будем пресмыкаться перед дурацкими взрослыми проблемами. Кололи пальцы колючкой шиповника, обмазывались кровью друг друга.

– А потом ты предложил найти пресмыкающееся и съесть его в знак нашего более высокого статуса.

– Точно! Это было еще тогда, когда сиськи у вас, девчонок, только начинали проклевываться. А что? Я так исчисляю.

Нина сделала жест, будто кидает пустую кружку в голову Рината, а Ринат смешно прикрылся руками и завопил:

– Умоляю, пощади!

Засмеялись.

– И мы искали ящерицу.

– И ты все ее жалела, ящерицу, которую мы так и не нашли. А теперь вот оно как все. Как ты думаешь, мы пресмыкаемся?

– Наверное.

Задумались, глядели в окно.

– С тобой так просто оказалось разговаривать, Нина.

– И мне с тобой.

И внезапно после этих слов стало не о чем говорить. Постепенно шелуха начала обратно наползать на них. Шелуха лет. Попросили счет, официант принес.

Они оба смотрели сквозь друг друга в свое прошлое. В тот год, когда Нина еще не брила ноги, а Ринат был юркий, как Маугли в мультфильме. Там, куда они смотрели, были толстые деревья, вокруг одного из которых лепился шалаш, и вечное лето.

После встречи

Эти бабочки. Зазазу, как говорила героиня телесериала. Бабочки в животе. Их тихое щекотание. Как их можно объяснить с научной точки зрения? Особое движение кишок? Проделки висцеральной нервной системы?

Нина возвращалась домой в размышлениях над мнимыми бабочками, которые металась по ее животу, то опускаясь в самый низ, то взлетая над сердцем. Бабочки. Так давно не приходило это ощущение. Она посмотрелась в зеркало заднего вида: глаза блестели, а на щеках выступил румянец. Встреча растормошила ее, сделала более живой, чувственной. Нина вспомнила, что она женщина, ЖЕНЩИНА – полуземное, полукосмическое существо.

Вечером, к приходу мужа, Нина надела свое особенное белье. Нашла в шкафу самое игривое домашнее платье, в мелкий цветочек с воланами. Малыш уже спал. Старшая дочь закрылась в комнате, смотрела какой-то аниме-сериал в наушниках.

Момент был подходящий. Настроение тоже подходящее. Нина называла его – зов природы. Сегодня зов был особенно сильный, живой, и Нине хотелось верить, что она сможет преодолеть волны охлаждения, которые так часто окатывали их с мужем любовную лодку.

Сегодня Нина была убеждена, что все преодолимо, что она может исправить разлад. Она чувствовала себя обольстительной. Вышла из ванной, где аккуратно сбрила все лишнее, натерла тело ароматным крем-маслом. Вспоминала сегодняшнюю встречу с Ринатом, приятные бабочки снова разлетались от пупка в разные стороны. В низу живота и в области сердца становилось тепло. Нина вспоминала Рината, вспоминала себя и ждала мужа.

Она вспоминала, как Ринат слегка наклонился над столиком, взял ее руку и прислонил к своей щеке. Как он потом аккуратно стряхнул с волос Нины крошки от безе. Его худая ладонь с длинными смуглыми пальцами, сквозь кожу просвечивали синие венки. Ладонь прохладная, шершавая быстро соскользнула обратно, в личное пространство Рината, и больше не касалась руки Нины. Этот простой эпизод Нина прокручивала в голове снова и снова.

Илья пришел ближе к полуночи. Много работы. В ванной и на кухне были зажжены свечи. Бокалы под красное вино стояли на столе. Нина надушилась специальными духами с феромонами, которые ей привезла подруга из Эмиратов. Намек на секс не то что прозрачный – он ярким знаменем развевался посреди квартиры.

От вина Илья отказался. Нина подошла к нему сзади, когда он сел за стол, обвила руками шею, мягко выложила из его рук телефон и стала разминать плечи, массировать голову. Она гладила плечи, пробегала пальцами по шее, прощупывала раковины ушей, ласково вращающими движениями проходила по голове. Илья брил виски и носил хвостик на затылке. Касаться висков было приятно. Нина поцеловала Илью около уха и стала спускаться медленными поцелуями вдоль его шеи. Илья замер. Нина опускалась ниже, массируя спину и поясницу. Руки прокрались на переднюю часть туловища и, минуя живот, сползли в пах.

– Удивительно, – сказал Илья. Он остановил руку Нины и повернулся к ней. – Удивительно, что вселенная так отзывается. Так внимательна к моим запросам. –

Илья оживлялся с каждым произнесенным словом. – Как только я понял, что надо бы проработать муладхару, вселенная тут же стремится это исполнить. Значит, муладхару действительно пора проработать как следует.

Нина глядела на Илью обескураженно. Его решительный деловой тон сбил ее с толку.

– Ну, глупенькая, вспоминай! Муладхара – нижняя чакра, отвечает за связь с землей и духовный рост. Основа всех энергетических каналов, центр кундалини. – Илья стал пугающе оживлен. – Вот! Вот! Ответ же. Я прорабатываю муладхару – и у меня появляются дополнительные силы для духовного роста. Мой гуруджи говорит, что для настоящего ретрита нужно быть заряженным. Да, конечно же, я иду к тебе, муладхара! Пойдем же, дорогая, скорее, примем наиболее удобные для этого позы. Лучше все делать не на стуле, а на плоской поверхности. И аккумулировать энергию вокруг именно этой чакры.

Илья вскочил со стула и направился в спальню, снимая на ходу одежду. Когда Нина подошла к кровати, Илья возлежал на ней абсолютно голый, возбужденный в плане настроения, но слишком вялый в области нужной чакры.

– Я жду тебя, light my fire! Поцелуй его, поработай руками. Важно, чтобы он завелся. Но до извержения не доводи. Нужно остановиться в самый последний момент, чтобы вся сила ушла не на простыню, а в чакру.

Нина ошалело взирала на тело мужа. То, что он все быстрее сходит с ума, стало очевидно. Округленный живот, покрытый негустыми кучеряшками, стройные, умопомрачительно белые ноги. Такой знакомый член и мошонка. Илья сделал возвратно-поступательное движение чреслами, выражавшее одновременно и призыв, и нетерпение, и какое-то озорство.

Нина пыталась собрать остатки своего сексуального настроения, но оно ускользало, как песок сквозь пальцы. Она медлила, но загадочно улыбалась. Подошла к кровати, сняла с себя платье, белье оставила, так она нравилась себе больше. Встала на четвереньки, выгнула спину. Представила себя девушкой в приват-комнате. Стриптизершей с расширенным перечнем услуг. Это, к счастью, ее немного возбудило. Опустила голову вниз и помотала свисающими волосами, затем резко запрокинула голову назад, и волосы веером рассыпались на плечи.

Закрыла глаза. И приступила к делу. Губы, язык, руки, грудь – все пошло в ход. Нина воображала себя профессионалкой, коей она, конечно же, не была, гетерой, проводницей космической энергии жизни. Она играла, фантазировала. В своей странной неистовой медитации она улетела куда-то прочь. Прежде всего от Ильи, но и от себя, из своей жизни, от своих мыслей. Улетела и от Рината, и от детей. Кто знает, может быть, она провалилась в самую муладхару земли. Ее не было, не было ни ее тела, ни кровати, были только жесты и усталость некоторых мышц, которые совершенно точно существовали отдельно от нее. Изгибы, заполняющееся кровью пещеристое тело члена. Это все было не про них, не про нее. Это было про что-то такое древнее и безличное, что даже не отследить.

Наверное, все длилось долго. Длилось несколько бесконечностей, и ей казалось, что это вообще не кончится. Что она так и застрянет в этом действии и не найдет выход в свою жизнь.

И в какой-то момент она ощутила вкус спермы у себя во рту.

И отчаянный шепот мужа.

– Нет, нет, зачем?! Ты все испортила!!! Надо было остановиться раньше.

Илья тянулся за салфетками и растирал драгоценную жидкость, которую так и не смог даровать муладхаре, а исторг.

– Ты видишь, все насмарку, – раздраженно прошипел он.

Он еще говорил что-то про то, что он опустошен, что на нее нельзя положиться, что духовный рост ей неведом.

Нина сидела на краю кровати в своем особенном белье. Ее озорное домашнее платье лежало у ног. Лунный свет пробивался через зазор в занавесках. Часть света падала на ее лицо. Лицо и плакало, и смеялось одновременно. В горле застрял ком горечи со вкусом спермы. «Неужели тупик, тупик, тупик, тупик», – крутилась мысль. В голове был ровный лед, каток, по которому с усиливающейся настырностью каталась только одна эта мысль. А затем появилась вторая мысль:

надо спать.

И только после. После того как они оба уснули, когда успели увидеть несколько снов... когда уже рассвело (а светало еще очень рано), Нина пробудилась от дикого чувства. Имя ему было – ненависть. Нина ненавидела мужа рьяно.

Сюда примешивались и обида, и оскорбленное женское достоинство. И разочарование, и обманутые надежды, и неоправдавшиеся ожидания. В этот чан с ненавистью летело все. Ненависть носилась в ней, как ураган. Захотелось встать и что-то с собой сделать. Выйти за границы этого мира туда, где ее не сможет настигнуть такой силы черный поток, вихрь. Выпрыгнуть в окно? Вскрыть вены в ванной? Повеситься? Зарезать мужа? Все варианты были недостаточно сильными жестами для выражения того, что с ней происходило. Надо было взорвать Землю – это бы утолило ту самую ненависть.

Она смотрела на спину мужа, смотрела на свою руку. Она смотрела на потолок, на карниз, на обои, и снова на спину мужа, на складки одеяла, которые текли от его спины к ее руке. На одеяле серые цветочки переплетались с бледно-желтыми.

И постепенно ураган утих. Нина опять погрузилась в сон. «Хорошо бы не просыпаться вовсе», – подумала она.

* * *

Ринат чувствовал, что с ним что-то происходит. Он так и говорил себе: «Что-то происходит», – и предпочитал не вдаваться в подробности. Шевеление души, воспоминания подплывали к берегу сегодняшнего дня, как утки. И он отламывал от себя куски и кормил этих уток хлебом. Хлебом насущным – тем, чем он жил сегодня. Его юность, его приключения на дачах, Нина, такая смешная и манящая. Потому что москвичка? Потому что так же, как и он, слушала «Гражданскую оборону» и «Нирвану»? Ее светлые волосы и немного пухлые руки с гибкими, музыкальными пальцами. Ее улыбка, спортивный костюм в полоску. Нина была для него не столько человеком, не столько девочкой, сколько светом маяка, что ли, куда он решил плыть на своей лодке. И вот доплыл. И та Нина

осталась в прошлом. Потому что в нынешней жизни уже все шло по-другому.

Та Нина была статуей в парке. Прекрасной, совершенной, инвентаризированной в его голове как прошлое вместе со всеми чувствами и чаяниями. Статуя хранилась в том отсеке памяти, из которого обычно ничего не запрашивалось. А тут эта встреча. Зачем? Зачем ворошить? Но что-то с ним происходит после этой встречи. Что-то теплится, разливается по телу, щекочет мозг. Он чувствовал, как в бедрах тоже стало теплее, легким возбуждением отозвался член. Но уж этот персонаж отзывался очень часто и на многое. «Что-то происходит», – подумал Ринат.

Ринат припарковал машину во дворе, ему повезло, нашлось свободное место прямо напротив подъезда. Поднялся по лестнице на второй этаж. Зеленые стены, выкрашенные масляной краской, немного оббитые ступени и коричнево-красная краска по краям. Открыл дверь ключом с брелоком в виде черной книжечки, внутри которой жена приклеила фотографии детей и себя. И зашел в свой мир.

Диляра встретила его мягкой улыбкой. В квартире уютно пахло пирожками. Его жена безупречно готовила эчпочмак. Безупречно поддерживала порядок в доме. Безупречно справлялась с детьми. Ее ни в чем нельзя было упрекнуть. Ну, если только в паре килограмм лишнего веса. Но и это ей скорее шло, чем портило. Ринат машинально поцеловал жену в щеку, она пошла накрывать на стол.

Эля подбежала к нему радостно, как только умеют дети. Он подхватил ее на руки и закружил. Кудряшки весело разлетались вокруг дочки. Эльвира смеялась, как волшебный колокольчик.

– Мама меня причесывала, но недопричесала. Я хочу, чтобы меня папа теперь причесал.

Ринат взял расческу и принялся расчесывать блестящие волнистые волосы дочки. Аккуратно заплел две косички, завязал резиночки на концах. Сгреб дочь в охапку и прижался к ее голове носом. Детский родной запах. Папа пощекотал живот малышки, поцеловал коленочки. Эля заливалась счастливым задорным смехом.

– Давай поиграем в капканчики, – предложила дочка.

Это была придуманная ими двоими игра. Папа обнимал дочку, а она выбиралась из его обнимашек. Оба участника обожали свою забаву.

– Пора ужинать, – позвала с кухни Диля.

– Но сначала мыть руки, – сказал папа Эле. И сам первый пошел в ванную.

В ванной на стиральной машинке лежали презервативы. Два презерватива в пластиковых упаковках без коробочки, если быть точным. Два презерватива, которыми никто в их семье не пользовался. А в машинке стирались джинсы Рината. Те самые джинсы, в которых эти два презерватива лежали до того, как они стали лежать здесь. Ринат помнил, как убирал их в карман, но в тот раз они негодились. И он забыл про них, когда бросил джинсы в стирку.

Эти презервативы на машинке означали то, что Диля достала их из кармана, положила сюда и загрузила джинсы в барабан. Это означало, что жена про все догадывалась.

Ринат спрятал презервативы. Помыл руки себе, Эльвире и сел за стол ужинать.

Свежий и вкусный ужин – не придерешься.

Диля вела себя как ни в чем не бывало. Непринужденно, спокойно, смиренно. Собрала посуду, домыла сковородку. Пошла укладывать Элю спать.

Ринат включил телевизор, но не смотрел его. Налил виски, но не спешил его пить. Он думал о презервативах. О том, что обычно хранит их в машине в бардачке. И если кладет в карман, то, как правило, всегда использует. Он думал о своей жене Диле. Но мысль о ней была такой короткой. И сразу обрывалась острым чувством злости. Он снова попробовал подумать о жене. Злость обдала его новой волной еще большей силы. Диля – и с Ринатом опять что-то происходит. Такое, чего не должно бы происходить. Любил ли Ринат в этот момент свою жену? Очевидно нет. Ненавидел ли он ее? Очевидно да.

Остервенело, слепо, незаслуженно. Он ненавидел в эту секунду свою безупречную жену, которая ни в чем не давала себя упрекнуть.

Ярость совершенно необъяснимо клочкотала в нем диким звериным огнем. Ярость, которую от страсти отделяло что-то незначительное.

Диляра вышла из детской. Собрала постиранные вещи в таз. И пошла их вешать на балкон. В аккуратном халате на молнии, с хорошим, не пошлым рисунком, она стояла на балконе и развешивала вещи на веревках. Движения ее были просты, даже грациозны.

Ринат смотрел на фигуру женщины на балконе. Матери его детей. Конечно, она знала о его изменах. Невозможно не догадаться, она же не дура, думал он. Но ни разу за все годы измен, а их было множество – этих лет, ни разу она не дала понять, что знает, что огорчена, что злится. Казалось, что у Диляры просто были отключены опции выражения негативных эмоций по отношению к мужу. Может быть, ее все устраивало, а может быть, она думала, что все мужчины подвержены недугу неверности. Все без исключения – и ее муж, разумеется, тоже. И поэтому надо просто закрывать на это глаза. И она так и жила – с широко закрытыми глазами.

Диля развесила вещи и стояла, глядя в ночное небо, которое было почти не рассмотреть за деревьями. Второй этаж. Птицы невысокого полета.

О чем она сейчас думает? Чего она вообще хочет?

По неизвестной для Рината причине ему внезапно стало казаться, что эта женщина его убивает. Хитрым, незаметным, никак не обличимым способом. Покладистостью. Бесстрастностью. Безразличием. Какой-то внутренний демон нашептывал ему даже не мысль, а предмысль – он гибнет из-за нее. И чувство ярости в нем стало еще сильнее. Он защищался от жены слепой, дикой яростью. Яростью зверя, соскользнувшего в слишком глубокую для него яму.

Кровь бежала по венам в бешеной пляске. Ринат буквально ощущал, как она ошпаривает его изнутри. Одичавшая кровь, кровь охотника-убийцы. Он представил, как подходит к жене и резким движением сбрасывает ее с балкона. Если действовать быстро, то она не успеет сориентироваться. В его воображении уже случилось все. Он видел вопросительный испуганный взгляд

жены. Он ощущал пальцами мягкое бедро, в которое погружается рука, и резкий рывок. А дальше свобода. Тишина. И балкон, на котором только белье и никакой жены.

Диляра вышла с балкона так же невозмутимо, как и зашла.

– Ильдар сегодня на сборах, – сказала она.

Ринат подошел к ней, расстегнул халат. Содрал его с жены, как кожу. И стремительно впился в ее смуглое рыхлое тело. Она не сопротивлялась, не радовалась, не удивлялась, несмотря на то что их супружеская близость с некоторых пор случалась не так уж и часто. И через несколько минут, когда все уже было кончено, Диляра невозмутимо подобрала свою одежду и направилась в душ, чтобы после так же спокойно лечь спать.

Ринат сидел напротив раскрытого балкона, на котором было белье и не было жены. Обновлял стакан снова и снова. После секса неистовая злость отступила, думалось легче. Вопросы появлялись в голове без ответов. Поезд из вопросов.

Ведь все же отлично, но почему так паршиво? Где я допустил ошибку? В каком именно месте поворот оказался не тем? Когда именно я сбился с пути и оказался именно тут – в этой точке реальности? Почему это случилось именно со мной? С моей семьей, с моей женой? Где-то же у нее все равно есть чувства?

Илья и его волна

За восемь месяцев до письма

Илья, муж Нины, как уже повелось, выходные проводил с пользой – на тренингах и в духовных исканиях. Раз в три недели тренинги были с выездами-интенсивами. Медитации, занятия йогой, работа в группах, индивидуальный коучинг и подготовка к ретриту. Все это постепенно расширяло внутреннюю вселенную, наполняло силой и позволяло решать личностные и внешние задачи.

Поначалу Нина в этом шла за мужем, но когда Илья нашел своего гуруджи, то с ним у Нины сразу не заладилось – слишком крепкий замес всего в одном уникальном учении. Нина постоянно заходила в тупик, когда соотносила одни постулаты с другими. Да и сам вид «гуруджи», прибывшего из Ульяновской области и в прежней жизни звавшегося Владимир («Ленин», – добавляла Нина), не вызывал особого трепета. Конечно, гуруджи было послано новое имя, кажется Анируддха Виджай (что означает «беспрепятственная победа»). У Владимира были не менее грандиозные планы, чем у его тезки-земляка – он собирался стать первым российским Буддой. На полном серьезе. Но такого уровня серьезности у Нины не скопилось, она отошла от этого учения и была изгнана из клана будущих Будд.

Илье новое учение нравилось, давалось легко и как минимум вдохновляло. Такой уж склад психики. Родись Илья на пятнадцать лет раньше, был бы отличным комсомольцем. Поначалу Нина радовалась за мужа, что он обрел свою волну и не прозябает в унынии, в котором Илья решил прозябнуть сразу после их свадьбы. Потом она стала опасаться за его психическое равновесие, потому что Илья нырнул в новорожденную эзотерику с головой, совершенно отключив критическое мышление.

Нина тогда начала штудировать информацию по сектам, как из них спасать близких. Шло время, увлечения Ильи отражались на их общем кошельке незначительно. Никто не просил его продать квартиру и уйти с работы. Илья стал стабильно бодр, начал практиковать позитивное мышление и аффирмации. И Нина поверила на какое-то время в то, что это решение, выход. Но потом поняла, что это скорее уход из реальности, ее избегание. Илья отдалился от семейных дел, отдалился от сына. Отдалился от Нины. Ей казалось, что он оставил ее, поместил на полку в серванте, как дорогой трофеей, а сам двинулся дальше за новыми достижениями.

На неделе муж собирался уехать в свой первый ретрит. Илья пребывал по этому поводу в крайней степени ажитации. Он переходил на новую ступень развития, так он и говорил Нине, где каждый вынужден платить чем-то дорогим за право обладания новыми знаниями. Плата не деньгами. Плату назначал гуруджи, у Ильи это была отвязка от семьи. Не развод, нет! Просто отвязка. Илья рассказывал, как представлял каждого из них отдельной космической галактикой и чувствовал ток вселенского тепла. В своей медитации он увидел, что отвязка Богдану пойдет на пользу и Нине тоже не повредит. Он представлял, как рвет обвязывающие и удушающие их нити, и все галактики

улыбаются.

Как именно улыбаются галактики?

– Только важно, чтобы вы тоже не держали нити. Ты как мать объясни это Богдану. Каждый из нас личность, космос, демиург, и родственные связи лишь ограничивают нас, ничего не давая взамен, кроме плена.

Нина вздохнула только. Сотый разговор в таком ключе, все аргументы она исчерпала – Илью не прошибешь. Он как в броневике, на котором стоит сам Ленин.

* * *

– Он будет месяц работать над своей духовной составляющей – снимать умственное напряжение, слушать потоки информации земли.

Обе вздохнули.

– Ох. Это еще не самое ужасное, что может произойти с мужиком, – говорила Нине мама, – главное, что не пьет, – добавляла она и тут же вспоминала нехорошими словами первого зятя.

– Нашел такой способ справляться с кризисом среднего возраста, – отвечала Нина и вертела в руках кружку с чаем. Обычным черным, с лимоном. У Нины дома пили только иван-чай (экологически чистый), который собирали люди гуруджи. «А обычный-то вкуснее», – промелькнула мысль. На родительской кухне Нине было по-детски уютно. Она все чаще вспоминала детство, которое от долгой выдержки в бочке памяти становилось все ярче, добавлялись разные ягодные нотки, а сейчас еще простой и любимый привкус лимона. Нина смаковала воспоминания, как хорошее вино, так было легче глядеть на это неведомое чудище – кризис среднего возраста.

– Кстати, не передашь ли отцу этот коньяк в знак примирения? – И мама протянула вычурную бутылку в виде тувельки. Жидкость внутри была мутноватая.

– Мам, он не общается со мной так же, как и с тобой. Не отвечает на звонки, не пишет эсэмэс, как я ему передам? – Нина машинально взяла бутылку-туфлю. – Слушай, тут какой-то осадок. Смотри, коньяк мутный!

Нина подняла «туфельку» к свету.

Мама стояла недвижно и невозмутимо.

– Это не осадок. Это метиловый спирт, – гордо произнесла она.

– Мама, ну как так можно?! Ты чокнулась совсем, что ли? Где же ты его взяла?

Мама победоносно улыбалась.

– Так, надо срочно это вылить, пока кто-нибудь случайно не отравился.

Нина направилась к раковине. Мама попыталась забрать бутылку, но Нина опередила и вылила в раковину содержимое.

– Эх, такой план завалила, – сокрушалась мать.

А дальше они просто сели на кухонную скамейку, обнялись и заплакали.

Так вот: Илья через пару дней улетает. На месяц или два. Ведь ничего не может быть важнее духовного роста.

Закрутилось

Нина задавала себе вопрос: как все закрутилось? Предпосылок набралось с избытком. Мир семьи Нины как будто проткнул айсберг. И все уже начинало тонуть. Отец, ушедший в другую семью, одержимая местью мама, дочь, которая все больше и больше худела, муж, который сел в шлюпку и уплыл в ретрит с этого проклятого «Титаника». Нина искала спасения. Жилетку. И этим жилетом,

спасательным жилетом с лампочкой и свистком, и стал Ринат.

И Нина прыгнула в воды ледяные и обжигающие. И очень скоро влюбилась самой горячей любовью, на которую было способно ее сердце. Но как именно и когда, в какой момент? Она помнила, что после той встречи с колготками она что-то написала Ринату в фейсбуке. Что-то простое и прямолинейное как шпала. Она хотела снова быть той девочкой, которая на даче сидит с миской малины и кормит мальчишек, надевая ягоды на пальцы. Состояние юности, совершенной свободы, девичьей силы, некоторого превосходства над глупыми примитивными мальчишками – это состояние ей и хотелось вернуть. Ей захотелось повернуть свою судьбу. Малина, стекающий по пальцам сок. Нежные губы юношей, вокруг которых пробивается первая пушистая щетина. Косые рыжие лучи заката ложатся на их лица. И ноги у всех в шлепанцах и грязные от пыли.

Конечно, всего этого Нина не написала. Сообщение строилось из последовательных общих фраз: как дела, привет, была рада, с удовольствием еще, приятно было поговорить, ты хорошо выглядишь, надеюсь, еще увидимся, ты пробудил во мне воспоминания и что-то еще...

Нине настолько стало стыдно от написанного, что она даже стерла это сообщение из своего мессенджера после отправки. Ринат ответил смайликом. А потом позвонил и предложил встретиться. «Такие вещи надо говорить глаза в глаза», – шутливо сказал он.

Начались встречи. Невинные, дружеские. Но между этим мужчиной и этой женщиной то и дело пробегала искра. Особенно сильно искра была по Нине. Ринат и Нина делали вид, будто не замечают этих всполохов. Зачем? Наверное, потому, что так более щекотно. Они ходили в кафе, гуляли по набережным, Ринат набрасывал свой пиджак ей на плечи, когда они смотрели на мокрый блеск городской реки. Однажды они забрались на крышу дома в самом центре, у Рината там жил знакомый и дал ключ от чердака. Сидели на покатой крыше, Нина вцепилась в руку Рината и чувствовала, как она тверда. Бицепсы, трицепсы и еще какие-то мышцы ниже локтя на руке. Это ощущение ошпарило Нину. То самое горячее и страшное налетало на нее и ползало в животе, в груди, в горле. Даже за ушами немного щекотало. Ее бросило в дрожь. Она все свалила на страх высоты и холод. Понятное дело, что это был другой страх: что она вот-вот разобьется. И в этот раз уже не сможет сбежать. Точнее, не захочет: ей была нужна эта влюбленность, необходима для выживания.

Ринат продолжал вести себя как друг, и Нина принимала это. Была уверена, что игра в дружбу затеяна лишь для большего разогрева. Все поступки Рината, его долгие взгляды, ночные эсэмэски, особенно многоточия в сообщениях – все трактовалось в пользу теории разогрева.

Пару раз они заглянули в ночной клуб вместе с друзьями Рината. Ринат везде представлял Нину «это мой друг, это не девушка» и сжимал крепко ее руку. В клубе они танцевали, пили текилу, водку, разговаривали о шахматах, литературе и политике. Друзья у Рината были, как правило, болтливые, совершенно разных взглядов, но высказывались аккуратно, особенно в отношении политики. Обсуждали отношения полов, поднимали тосты за счастливую любовь между мужчиной и женщиной, но чаще между мужчиной и женщинами. Иногда к беседе подключались разные собеседницы, мужчины угощали их коктейлями, шампанским, говорили комплименты или подшучивали над ними. Нина чувствовала себя в тылу противоположного лагеря. Мужчины все были такие хорошие, а женщины в их рассказах коварны и вероломны. Женщины поступали неверно, а мужчины пытались все уладить и выйти из ситуации героями. Слушать их было очень интересно. Нина обычно принимала мужскую сторону и соглашалась с тем, что женщины, бабы, телки часто не заслуживают уважения. Мужчины обсуждали жен, любовниц, бывших. Они искренне считали, что делают все, чтобы жены были счастливы. И тут же переходили на обсуждение новых подружек и пока совсем незнакомых соседок по столику. Ринат делился с Ниной выжимками из истории своих походов, листал при ней badoo. Она комментировала фотографии девушек, советовала, кого пригласить на свидание.

– Как можно встречаться с женщиной, у которой такие ногти? Безвкусица.

– Я даже не заметил, какие у нее ногти. Вы слишком много внимания уделяете ногтям.

Они листали дальше, приложение предлагало разных девушек. Ринат давал экспертные комментарии:

– Эта хороша, но выедает мозг, эта врет про возраст; эта вся отфотошоплена, смотри, как тут стена изогнута; у этой уже сто лет никого не было, ее можно брать; у этой ведро («какое ведро?» – «не важно, забей»), эта сучка будет

раскручивать на подарки; а эта как тебе?

– Да ну! Селедка какая-то.

– Я люблю худышек.

– Зачем тебе постоянно новые?

– Понимаешь, это как спорт. Как разработка новых месторождений. Как охота. Она добыча, овечка, я волк. Я иду в стадо и выбираю себе лучшую овцу – ту, на которую у меня хватает сил и зубов.

– Неужели ты не влюбляешься в них?

– В некоторых влюбляюсь. У меня есть топ из самых лучших. Обычно это секс на один раз, но с некоторыми длится месяц, два. Но потом я психую и стираю их номера.

– А как же жена?

– А что жена? Жена – это святое! Я ее люблю. Она мать моих детей. Она Женщина с большой буквы. У меня таких женщин всего три, нет, четыре. Это мама, сестра, жена. И ты.

Разговаривали часами: в машине или на прогулке по набережным. Ринат любил набережные, и Нина сразу тоже их полюбила. Особенно ему нравилось одно скромное кафе у реки. Сидишь, смотришь на воду – красота.

– Что будете заказывать? Вы уже определились?

– Мне, пожалуйста, черный кофе и девять хинкали.

– А что для мадам?

– А мне шоколадный торт.

Официант торжественно удаляется.

– Ты слышала про теорию шоколадного торта?

– Нет, расскажи.

– Сначала ответь, насколько сильно ты любишь шоколадный торт?

– Зачем тебе, ты мне торт испечешь?

– Отвечай на вопрос, не увиливай.

– Ну люблю, а что?

– Наш человек. – Ринат потер руки и продолжал смотреть на воду в обратную сторону от Нины. – Все девушки делятся на две группы: на тех, кто любит шоколадный торт, и тех, кто к нему равнодушен. Если девушке, которая обожает шоколадный торт, предложить кусочек, она никогда не откажется. А тем, кто не любит шоколадный торт, очень легко от него воздерживаться. В них этот торт попробуй впихни! Они придумывают миллион причин, почему есть шоколадные торты вредно и аморально. Сами не едят и других осуждают.

– Да ты Эйнштейн, дружище, надо на нобелевку подаваться срочно.

– Только шоколадный торт это не совсем десерт, – не обращая внимания на язвительность Нины, продолжал Ринат. – Говоря «шоколадный торт», я подразумеваю секс.

– О, теперь я вижу, что ты еще и великий конспиратор. – Нина засмеялась по-детски, будто ей десять лет и они говорят о чем-то запретном.

– Ты смеешься, а я это, можно сказать, выстрадал. Я сначала, дурак, цеплялся, ставил цели – быть проводником в мир... высокой кулинарии. Но некоторые терпеть не могут сладкое. У меня жена такая. Сначала психовал, но скоро понял, что и у этого расклада есть преимущества. Я спокоен, что дети на сто процентов мои, что жена живет для нас. Ей просто не надо столько секса, сколько надо мне. И я решил эту задачу. Поэтому и мир в семье.

– Не думаешь ли ты, что это подло?

– Нет. По-своему это благородно. Я сохраняю семью и помогаю женщинам вкушать их любимое лакомство. – Ринат посмотрел на Нину своей фирменной соблазняющей улыбкой. – В том или ином смысле.

Нина отламывала ложкой кусок «Праги» и медленно погружала его в рот. В этот момент она чувствовала себя воплощением самой сексуальности. Ей хотелось закричать на все кафе «Я! Я люблю шоколадный торт! И больше всего я люблю твой шоколадный торт!» Она представила, как эти слова испаряются с ее тела и через уши залетают в голову Рината. Однозначно он намекал. Он готовил ее к самому сладкому мгновению в жизни.

Ринат опять открыл сайт знакомств и листал профили девушек. Они вместе делали предположения, кто из них любит шоколадный торт. Мнения не всегда совпадали.

– Выбери для меня самую горячую. Напиши что-нибудь ей. Я тебе доверяю. Организуй мой прощальный загул.

– Почему прощальный?

– Пока рано открывать карты...

Ринат уходил от ответа. Намекал, что скоро все похождения закончатся и на то есть достойная хорошая причина. Недомолвки Нина трактовала однозначно – этой причиной, разумеется, была она – Нина! Самая достойная и хорошая причина ever.

Нина после таких встреч несколько дней была взбудораженная, разгоряченная. Безумными глазами смотрела она на быт, остро ощущая параллельность миров. Тут тихий, монотонный мир, где на крючках висят полотенца в цветочек, где фикус то подсыхает, то подпревает, где детские игрушки, котлеты на пару и суп из овощей. В этом мире нужно открывать и закрывать окна, чтобы проветрилось, доставать посуду из посудомойки. Давать жаропонижающее, антигистаминные

или муколитик вечно болеющим детям.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/gurina_yuliya/my-zhe-vzroslye-lyudi

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)